

Акстиния А

Акстиния А

Апгрейд Греха Борджиа

Серия «Итальянские Клань», книга 4

<https://litres.ru/74190034>

SelfPub; 2026

Аннотация

В XV веке они травили врагов ядом. В 2026-м семья Борджиа предпочитает алгоритмы, ESG-рейтинги и нейро-косметику.

Добро пожаловать в VaticaCorp — империю, где грех прошел успешный ребрендинг.

Родриго захватывает Глобальный Синдикат смарт-контрактами. Чезаре обрушивает хедж-фонды и кормит аудиторов SEC псilocибинами. Лукреция продает дофамин в баночках детокс-чаев и взламывает Мет Галу через подол платья. А младший сын тратит \$40 млн на NFT-обезьян, превращая скам в благотворительность.

Они циничны, безжалостны и носят водолазки Loro Piana. В мире, где мораль — это плохо оптимизированный алгоритм, Борджиа — единственная честная семья. Они не притворяются, что спасают мир. Они просто хотят им владеть.

Дебет всегда должен сходиться с кредитом. Иначе мы пришлем за вами аудитора.

Содержание

Глава 1. Искусство сделки (или Как купить душу оптом и в розницу) POV: Родриго	5
Глава 2. Тендер на душу (или Почему черные водолазки — это новая кольчуга) POV: Чезаре	18
Глава 3. Хэштег #СвятаяНевинность (или Как очистить карму и прямую кишку за один прием) POV: Лукреция	30
Глава 4. Вечеринка на Ибице (или Как утопить конкурента в бассейне с подогревом) POV: Хуан «Джей»	40
Глава 5. Клининг и компромат (или Как упаковать труп в контейнер для белых трюфелей) POV: Чезаре	48
Глава 6. Подкуп кардиналов (или Как купить Папский престол с помощью смарт-контракта) POV: Родриго	60
Глава 7. Медовый месяц в аду (или Как оптимизировать мужа через вторичный рынок акций) POV: Лукреция	72
Глава 8. Война с хедж-фондами (или Как убить динозавра с помощью Excel-таблицы) POV: Чезаре	81
Глава 9. Обезьяны и гнев (или Как объяснить	94

папе, что пиксельная мартышка стоит как небольшой остров) POV: Родриго	
Глава 10. Коронация (или Как надеть невидимую тиару под вспышки папарацци) POV: Родриго	103
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Акстиния А

Апгрейд Греха Борджиа

Глава 1. Искусство сделки (или Как купить душу оптом и в розницу) POV: Родриго

Воздух в закрытом VIP-зале аукционного дома Christie's в Монако пах страхом, нишевым парфюмом *Tom Ford Oud Wood* и деньгами, которых физически не существует.

Я сделал глоток эспresso. Зерна были собраны на склонах какого-то вулкана в Коста-Рике девственницами, которые пели кофейным кустам песни на местном диалекте. Чашка этого напитка стоила столько же, сколько подержанный седан, но зато мой уровень кортизола оставался в идеальных пределах, а пресекающие попытки организма состариться стволовые клетки, введенные мне утром в швейцарской клинике, одобрительно пульсировали в венах.

Мне шестьдесят два. Я выгляжу на сорок пять, чувствую себя на тридцать и веду себя как восемнадцатилетний мажор, которому только что выдали безлимитную кредитку Вселенной.

Я поправил манжету своей рубашки из египетского хлоп-

ка. Ткань была такой тонкой, что казалось, будто я одет в сотканный из лунного света туман. Мой смарт-часы, замаскированный под классические *Patek Philippe*, тихо вибрировали, сообщая, что моя медитация «Осознанность хищника» прошла успешно и моя аура теперь имеет оттенок дорогого шампанского. Отлично. Для того, что я собирался сделать сегодня вечером, аура хищника подходила как нельзя лучше.

На подиуме в центре зала, под слепящим светом софитов, стоял лот №47.

Картина Караваджо «Отречение святого Петра». Шедевр эпохи барокко. Мрачный, драматичный, пропитанный чувством вины и предательства. Искусствоведы всего мира сходили по ней с ума, писали диссертации о свето-теновом контрасте и скрытых смыслах.

Какие же они все идиоты.

Мне было плевать на Караваджо. Мне было плевать на святого Петра, который на полотне выглядел так, будто только что осознал, что его криптокошелек взломали. Мой интерес представлял не холст, а массивная, потемневшая от времени деревянная рама. Точнее, микроскопический зазор в ее нижнем левом углу, где был спрятан зашифрованный твердотельный накопитель объемом в четыре терабайта.

На этом диске хранилась не история искусства. Там хранилась история падений.

Финансовые махинации, офшорные схемы, взятки европейским регуляторам и, что самое пикантное, видеозаписи

с закрытых вечеринок в одном шале в Гштаде, где главный конкурент моей корпорации *VaticaCorp*, Джулиано делла Ровере, развлекался с очень дорогими и очень несовершеннолетними моделями из Восточной Европы.

Джулиано сидел в третьем ряду от меня. Он выглядел так, будто его пиджак от *Brioni* был сшит из свинца. Он потел. Я видел, как капелька пота скатилась по его виску, угрожая испортить идеальный загар, приобретенный в солярии его личной яхты. Он пытался выглядеть расслабленным, нервно покручивая в пальцах золотую ручку *Montblanc*.

— Бедный Джулиано, — тихо пробормотал я, обращаясь к своему помощнику, Микелотто, который стоял за моим креслом, сливаясь с обоями. Микелотто был главой службы безопасности *VaticaCorp*. У него было настолько незапоминающееся лицо, что его можно было использовать в качестве дефолтного аватара в Zoom. — Он думает, что покупает страховку. А на самом деле он покупает себе надгробие.

— Ставка поднята до двенадцати миллионов евро, сэр, — бесстрастно отозвался Микелотто. Голос у него был такой же невыразительный, как и лицо. Идеальный сотрудник.

Аукционист, сухой британец с интонациями робота-убийцы из фантастических фильмов пятидесятых, монотонно отсчитывал цифры. В зале царила та специфическая тишина, которая бывает только в комнатах, где решаются судьбы государств, а люди дышат через раз, чтобы не спугнуть удачу.

Я откинулся на спинку кресла, обитого кожей альбиноса,

и позволил себе улыбнуться.

В пятнадцатом веке мой предок, Родриго Борджиа, ставший Папой Александром VI, покупал кардиналов мулами, нагруженными золотом, и обещаниями епархий. Ему приходилось иметь дело с сифилисом, чумой, французскими вторжениями и постоянным риском быть отравленным собственным дегустатором вин.

Сегодняшние «кардиналы» носили худи из кашемира, инвестировали в стартапы по продлению жизни и боялись только одного — отмены в Twitter и падения индекса NASDAQ.

Мир изменился. Технологии шагнули вперед. Но человеческая природа? О, она осталась восхитительно, неизменно грязной.

В эпоху Возрождения церковь продавала индульгенции. Согрешил? Заплати золотом, и твоя душа чиста. Сегодня церковь — это корпорации, а индульгенции — это ESG-рейтинги (Environmental, Social, and Governance).

Моя *VaticaCorp* была крупнейшим провайдером этих самых рейтингов. Загадили реку токсичными отходами? Не беда, купите у нас углеродные квоты на посадку деревьев в Амазонии (которые мы, кстати, сами же и контролируем), и ваш экологический рейтинг снова «AAA». Используйте детский труд на кобальтовых шахтах? Спонсируйте наш парад разнообразия и инклюзивности, повесьте соответствующий флаг на свой небоскреб, и ваш социальный рейтинг взлетит до небес.

Грех никуда не исчез. Он просто прошел ребрендинг, обзавелся отличным PR-отделом и стал масштабируемым. Я любил этот мир. Он был циничным, логичным и невероятно прибыльным.

— Четырнадцать миллионов, — сухо произнес аукционист, кивая в сторону Джулиано.

Джулиано поднял табличку. Его рука дрожала. Он знал, что я здесь. Он знал, зачем я здесь. Это была не просто покупка картины. Это была дуэль.

Я посмотрел на него. Наши взгляды встретились. В его глазах я увидел панику человека, который понимает, что его яхта вот-вот пойдет ко дну, а спасательная шлюпка оказалась надувным матрасом с единорогом.

— Пятнадцать, — легко бросил я, даже не поднимая табличку. Аукционист знал меня. Здесь все знали меня.

В зале послышался тихий шепот. Для этих людей пятнадцать миллионов за картину были не деньгами, а фишками в казино. Но сам факт того, что Родриго Борджиа вступил в торги, превращал лот в реликвию.

Я достал из кармана телефон и открыл приложение, которое отслеживало котировки акций *Urbino Group* — холдинга Джулиано. Красные свечи на графике уже начали предательски ползти вниз. Слухи о том, что у Джулиано проблемы, просочились на рынки еще вчера. Мои аналитики постарались.

— Шестнадцать миллионов, — хрипло выдавил Джулиано.

но. Он пошел ва-банк. Это были его личные деньги, не деньги фонда. Он ставил на кон свое состояние, чтобы спасти свою репутацию и, возможно, свободу.

Я усмехнулся. Мораль — это просто плохо оптимизированный алгоритм. Если ты бедный, ты преступник. Если ты миллиардер, ты «эксцентричный инвестор с нестандартным подходом к управлению рисками». Джулиано был миллиардером, но он был слабаком. А слабых этот мир пережевывает и выплевывает в виде аналитических отчетов для акционеров.

Я наклонился к Микелотто. — Как там наш друг из прокуратуры Рима? — тихо спросил я, не отрывая взгляда от сцены. — Прокурор Сальвини получил посылку, синьор, — так же тихо ответил Микелотто. — В ней был флеш-накопитель в форме золотого слитка и бутылка его любимого бароло урожая того года, когда он еще брал взятки наличными, а не криптовалютой. Он понял намек. Дело о незаконном строительстве вашего отеля в Милане закрыто «за отсутствием состава». — Превосходно. Отправь ему корзину органических фруктов. Пусть знает, что мы ценим его приверженность здоровому образу жизни и закону.

Я снова перевел взгляд на аукциониста. — Двадцать миллионов, — сказал я. Голос прозвучал не громко, но он разрезал тишину зала, как лазерный скальпель.

Джулиано побледнел. Его кадык дернулся. Он посмотрел на свою табличку, потом на меня, потом на потолок, слов-

но ища там божественного вмешательства или хотя бы ангела-инвестора. Но на потолке была только лепнина и скрытые камеры наблюдения.

— Двадцать миллионов евро. Есть ли желающие? Двадцать миллионов... — аукционист начал свою финальную мантру. — Двадцать... Двадцать один...

Удар деревянного молотка прозвучал как выстрел.

— Продано джентльмену в первом ряду, — объявил британец.

Зал разразился вежливыми, сдержанными аплодисментами. Люди хлопали не картине. Они хлопали моей победе. В этом закрытом клубе сверхбогатых искусство было лишь предлогом, а настоящая выставка — это демонстрация того, у кого длиннее... портфель активов.

Я встал, застегивая пиджак. Ткань из шерсти викуньи, мягкая, как обещание политика перед выборами, идеально легла по плечам. Я направился к выходу, игнорируя взгляды зависти, уважения и животного страха.

Джулиано не вышел из зала. Он остался сидеть, уткнувшись лицом в ладони. Мне было почти жаль его. Почти. Но бизнес есть бизнес. Если ты не ешь, значит, едят тебя. А я всегда предпочитал быть за столом с ножом и вилкой, а не на серебряном блюде с яблоком во рту.

Через десять минут мы с Микелотто стояли на уединенной террасе, выходящей на гавань Монако. Внизу, словно до-

рогие игрушки, покачивались на волнах суперяхты. Самая большая из них, «Lady V», принадлежала мне. На ее борту сейчас проходила закрытая вечеринка для топ-менеджеров *VaticaCorp*, но я предпочел сначала завершить дела.

Микелотто протянул мне плоскую деревянную шкатулку. — Картина отправлена в ваш женеvский склад, синьор. Рама... обработана.

Я открыл шкатулку. Внутри, на бархатной подушечке, лежал черный, матовый твердотельный накопитель. Он был теплым. Или это мне просто казалось от предвкушения. Я провел пальцем по его гладкой поверхности. Четыре терабайта чужих грехов. Четыре терабайта абсолютной власти.

— Что мы будем с этим делать, Родриго? — спросил Микелотто, нарушая субординацию. Он редко называл меня по имени, только когда речь шла о чем-то действительно серьезном.

Я достал из портсигара тонкую кубинскую сигару. Микелотто тут же щелкнул зажигалкой *S.T. Dupont*. Огонек осветил мое лицо в отражении стеклянной двери. Ни одной морщины. Только легкая, хищная усмешка.

— Мы не будем ничего с этим *делать*, Мики, — выдохнул я клуб ароматного дыма, который стоил дороже, чем месячная аренда квартиры в центре Рима. — Мы будем это *инвестировать*.

Я подошел к парапету, облокачиваясь на прохладный мрамор. — Видишь ли, в чем проблема Джулиано? Он думает

мелко. Он думает, что если спрячет свои грязные делишки, то сможет и дальше играть в песочнице. Но песочница заканчивается.

Я сделал еще одну затяжку. — «Глобальный Синдикат». Семь семей, которые контролируют семьдесят процентов мировых потоков капитала, данных и дофамина. Старый председатель, сэр Алистер, умирает. Его печень отказала, а его врачи, к сожалению для него, оказались на моем прикорме. Место освобождается.

Микелотто нахмурился. — Синдикат не любит скандалов, Родриго. Они предпочитают тишину. Если мы начнем шантажировать Джулиано, чтобы занять его кресло... это привлечет внимание. — Шантаж? — я рассмеялся. Звук получился низким, бархатистым, идеально подходящим для озвучки трейлеров к триллерам. — Мики, ты мыслишь категориями двадцатого века. Шантаж — это вульгарно. Шантаж — это когда ты требуешь деньги в обмен на молчание. Мы не будем требовать деньги. Мы предложим Джулиано *спасение*.

Я повернулся к нему, и мои глаза, вероятно, сверкнули в полумраке. — Мы придем к нему не как враги. Мы придем как партнеры. Мы скажем: «Джулиано, дорогой, мы знаем о твоих маленьких шалостях в Гштаде. Это ужасно. Это может разрушить твою семью, твой бизнес, твою жизнь. Но мы — *VaticaCorp*. Мы верим в реабилитацию. Мы верим во второй шанс».

Я щелкнул пальцами, выбивая пепел за борт, в темные во-

ды Средиземного моря. — Мы выкупим его долю в «Синдикате» за символический один евро. Взамен мы предоставим ему кризис-менеджеров, которые отмоют его репутацию. Мы запустим кампанию о том, как он борется с зависимостью и проходит терапию. Общество обожает истории исцеления. Его акции вырастут на пятнадцать процентов, он сохранит лицо, а я... я получу его голос и его кресло в Синдикате.

Микелотто медленно кивнул. На его невыразительном лице появилась тень чего-то, что можно было бы принять за восхищение, если бы он вообще был способен на эмоции. — А если он откажется? — Он не откажется, — спокойно ответил я. — Потому что за час до нашей встречи с ним, его жена получит анонимное сообщение с координатами виллы его любовницы и скриншотами переводов на ее счета. Эмоциональный ущерб делает финансовое разорение таким... кинематографичным. Когда у тебя рушится брак, ты гораздо охотнее отдаешь бизнес, чтобы просто перестать чувствовать боль.

Я допил свой остывший эспрессо, который Микелотто предусмотрительно принес с собой в термосе. — Подготовь команду, Мики. Завтра утром мы летим в Лондон. Мне нужно встретиться с Орсини. Если мы хотим взять Синдикат, нам нужно убедиться, что итальянские волки не укусят нас за пятки, пока мы смотрим на британских львов.

— Орсини опасны, Родриго. У них свои люди в Интерполе и свои хакеры в ФСБ. — Орсини — это динозавры, —

отмахнулся я. — Они до сих пор верят, что власть — это пистолеты и бетонные ботинки. Они не понимают, что сегодня власть — это алгоритмы, которые решают, какую новость увидит пользователь, и какую кредитную ставку ему одобряют. Мы не будем с ними воевать, Мики. Мы просто купим платформу, на которой они играют, и изменим правила так, что они сами загонят себя в угол.

Я посмотрел на огни Монако. Этот город был памятником человеческой жадности, азарту и иллюзии контроля. Идеальное место для старта.

Мой предок Александр VI отравлял врагов кантареллой — ядом, который вызывал мучительную смерть, имитирующую малярию. Элегантно, но грязно. Мой яд был другим. Моим ядом были процентные ставки, алгоритмы рекомендаций и отмена кредитных линий. От моего яда не было антидота, потому что никто даже не понимал, что его отравили, пока его компания не объявляла о банкротстве.

— Знаешь, Мики, — задумчиво сказал я, наблюдая, как суперяхта какого-то российского олигарха медленно выходит из гавани. — Иногда мне кажется, что мы, Борджиа, единственные по-настоящему честные люди в этом мире. — В каком смысле, синьор? — Все остальные притворяются, что хотят спасти мир. Экологи, политики, техномиллиардеры с их полетами на Марс. Они лгут себе и другим. А мы? Мы просто хотим владеть всем. Это так честно. Это так... чисто.

Микелотто промолчал. Он знал, что риторические вопросы босса не требуют ответов.

Я бросил окурок сигары в море. Маленькая красная искра полетела вниз и погасла в черной воде. — Пойдем, Мики. На «Lady V» подают устриц, а мой личный шеф-повар приготовил ризотто с белым трюфелем. И, кстати, проверь, чтобы на вечеринке не было никого из семьи Колонна. У меня нет настроения смотреть на их унылые лица после того, как мы на прошлой неделе обрушили их сеть отелей в Азии.

— Будет сделано, Родриго.

Мы направились к лифту, который должен был спустить нас к причалу. Я шел по коридору, выстланному дорогим ковром, и чувствовал, как внутри меня разрастается приятное, теплое чувство. Это было не чувство вины. Это не была гордыня.

Это было чувство абсолютного, безграничного контроля.

Мир был огромной шахматной доской, и все остальные играли шашками. Я только что купил завод, который производит эти шашки.

Двери лифта закрылись, отрезая меня от шума вечеринки и шепота проигравших. Я достал свой телефон и открыл защищенное приложение. На экране появилось сообщение от моей дочери, Лукреции.

«Пап, Джованни снова ноет, что его стартап по доставке фермерских овощей не получает раунд Б. Я сказала ему, что ты занят покупкой души дьявола. Он спросил, можно

ли это монетизировать через NFT. Он такой милый, когда тупит. Целую, твоя Лулу»

Я усмехнулся и набрал ответ: «Скажи ему, что дьявол не принимает криптовалюту. И добавь ему в утренний смузи слабительное. Пусть пропустит завтрашнее голосование акционеров. Папе нужны его голоса для совета директоров. Люблю тебя, детка».

Я нажал «Отправить».

Семья. Это единственное, что по-настоящему имеет значение. А все остальное — это просто способ защитить семью от скуки.

Лифт мягко дернулся, начиная спуск. Впереди была долгая ночь, отличная еда и планирование захвата мира. И, черт возьми, я был голоден.

Глава 2. Тендер на душу (или Почему черные водолазки — это новая кольчуга) POV: Чезаре

Утро начинается не с кофе. Утро начинается с падения чужих акций.

Мой смарт-браслет *Oura Ring* мягко вибрирует на запястье ровно в 5:43 утра. Никаких назойливых мелодий, никаких кричащих будильников. Браслет знает, что я нахожусь в фазе быстрого сна, и аккуратно выдергивает меня из сна, в котором я тонул в океане из неликвидных крипто-активов.

Я открываю глаза. Потолок моей спальни — это огромный экран, который сейчас транслирует идеальное, математически выверенное небо над Тосканой на рассвете. Воздух в комнате очищен через HEPA-фильтры медицинского класса и слегка ароматизирован нотами кедра и озона. Пахнет стерильностью. Пахнет контролем.

Я сбрасываю с себя одеяло из невесомого кашемира и босыми ногами ступаю на подогреваемый мрамор.

Мой пентхаус в Риме — это не дом. Это бункер, замаскированный под архитектурный дайджест. Никаких лишних деталей, никаких пылесборников, никаких фотографий в рамках. Только стекло, бетон, дерево венге и скрытые па-

нели. Здесь не за что зацепиться взгляду, и, что важнее, здесь негде спрятать жучок.

Я иду на кухню. В центре острова, как алтарь, стоит она. Кофемашина *Slayer Espresso Custom*, собранная вручную одним швейцарским часовщиком, который, по слухам, сошел с ума в процессе калибровки давления помпы. Она стоила пятнадцать тысяч евро, и это была моя лучшая инвестиция за год.

Я засыпаю в холдер зерна геши, собранные на высоте две тысячи метров. Нажимаю кнопку. Машина издает низкий, утробный гул, похожий на мурлыканье сытого леопарда, и начинает экстракцию. Аромат плотный, шоколадно-цветочный, с легкой кислинкой.

Пока кофе варится, я беру свой защищенный планшет. Экран загорается, и на нем, словно пульс, начинают появляться уведомления.

«Акции *Urbino Group*: -2.4%». Это папа вчера вечером дождал Джулиано делла Ровере. «*Хэштег #ЛулуСвятая в трендах TikTok: 1 место*». Это сестра успешно запустила линейку детокс-чаев. «*Серверы Orsini Capital: уязвимость найдена*». А это мой завтрак.

Я делаю глоток кофе. Идеально. Горький, как моя душа, и горячий, как ад, в который я, вероятно, отправлюсь, если католическая церковь решит обновить свой прайс-лист на индугенции.

В пятнадцатом веке мой тезка, Чезаре Борджиа, герцог

Валентино, решал проблемы с конкурентами просто. Он приглашал их на ужин, подсыпал в вино кантареллу и смотрел, как они корчатся в агонии, пока его наемники зачищают их замки. Грубо. Кроваво. Неэстетично. И, что самое ужасное, — совершенно не масштабируемо. Сколько людей можно отравить за день? Три? Пять? После десятого трупа ты уже просто устаешь вытирать кровь с персидских ковров и придумывать легенды про внезапную чуму.

Сегодняшние «убийства» — это высокое искусство. Это цифровая хирургия.

Я открываю приложение, которое не имеет названия, только иконку в виде черного круга. Это мой пульт управления реальностью.

Семейство Орсини. Старые деньги, старые связи, старые методы. Они до сих пор думают, что рейдерский захват — это когда к тебе в офис приходят крепкие парни в кожаных куртках и кладут на стол бейсбольную биту. Какие же они милые ретрограды.

Лоренцо Орсини, глава их хедж-фонда, вчера посмел публично заявить на форуме в Давосе, что *VaticaCorp* — это «пузырь, который лопнет от первого же аудита».

— Лоренцо, Лоренцо, — тихо говорю я в пустоту кухни, проводя пальцем по экрану. — Ты путаешь пузырь с черной дырой. Пузырь лопается. А черная дыра засасывает.

Я активирую скрипт, написанный моей командой хакеров (мы ласково называем их «эльфами», потому что они живут

в подвалах, не видят солнца и обладают магией). Скрипт не взламывает их счета. Это было бы слишком примитивно и оставило бы следы. Скрипт проникает в алгоритм их высокочастотного трейдинга.

ИИ Орсини, который совершает тысячи сделок, начинает получать микроскопические, искаженные данные о волатильности рынка. Разница в миллисекундах. Котировки, которых не существует.

Я нажимаю «Выполнить».

На экране планшета открывается график акций фонда Орсини. Зеленая линия уверенно ползет вверх. И вдруг, она спотыкается. Начинает дергаться. Алгоритм Лоренцо начинает паниковать, покупая на пиках и продавая на минимумах, пытаясь компенсировать фантомные убытки.

Минус два миллиона. Минус пять миллионов. Минус двадцать.

Я спокойно допиваю свою гежу. На кухне пахнет дорогим кофе и разрушением чужой империи. Никакой крови. Никаких криков. Только тихий писк уведомлений о маржин-коллах, которые сейчас, вероятно, разрывают телефон Лоренцо, пока он еще спит в своей шелковой пижаме. К тому времени, как он проснется и поймет, что его фонд потерял тридцать процентов ликвидности, его кредитные линии будут заморожены, а банки-партнеры уже получают «анонимные» письма о его скором банкротстве.

Это и есть современный яд. Он не убивает тело. Он уби-

вает кредитный рейтинг. А в двадцать первом веке человек с испорченным кредитным рейтингом — это живой мертвец. Ему не дадут ипотеку, ему не одобряют бизнес-класс, его жена уйдет к тому, у кого платиновая карта без лимита.

Я ставлю чашку в посудомоечную машину, которая сама себя чистит, и иду в гардеробную.

Мой гардероб — это храм минимализма. Пятьдесят одинаковых черных водолазок из тончайшей шерсти мериноса *Loro Piana*. Десять пар идеально скроенных черных брюк. Пять пар черных челси. Стив Джобс носил это, чтобы не тратить энергию на выбор одежды. Я ношу это, потому что черный цвет поглощает свет, эмоции и чужие надежды. В черной водолазке ты не просто кризис-менеджер. Ты — монолит. Ты — неизбежность.

Одевшись, я вызываю лифт, который спускает меня прямо в подземный гараж, где ждет мой бронированный *Aurus*. Никаких водителей. Я не люблю, когда кто-то смотрит на меня в зеркало заднего вида.

Офис «Управления рисками» (именно так табличка на двери маскирует мой отдел шантажа, компромата и грязных операций) находится на сорок втором этаже стеклянной башни *VaticaCorp*.

Здесь нет опен-спейсов с пуфиками и настольным теннисом. Здесь царит тишина, нарушаемая только стуком механических клавиатур и гулом серверных стоек. Мои сотруд-

ники не носят худи с принтами. Они носят строгие костюмы и выглядят так, будто только что похоронили свою совесть и получили за это отличные страховые выплаты.

Я прохожу по коридору, кивая аналитикам. — Добре утро, синьор Борджиа, — шепчет Донателла, мой главный кибер-инквизитор. Ей двадцать четыре, у нее пирсинг в носу и взгляд человека, который знает пароли от ядерных чемоданчиков трех стран. — Как там Лоренцо? — спрашиваю я, не сбавляя шага. — Плачет в Telegram своей любовнице, — ухмыляется она, жуя жвачку со вкусом арбуза. — Мы перехватили переписку. Он пишет, что «рынок манипулируют масоны». — Превосходно. Слей эту переписку журналистам из *Bloomberg*. Пусть думают, что у него паранойя на фоне нервного срыва. Инвесторы не любят параноиков. Они любят стабильность. А мы предоставим им стабильность, когда выкупим его активы за десять центов на доллар.

Я захожу в свой кабинет. Стеклопакетные стены матируются по нажатию кнопки, превращая комнату в непрозрачный куб. Я сажусь в кресло *Herman Miller*, которое поддерживает мой позвоночник лучше, чем моя бывшая жена поддерживала наши отношения.

На столе лежит папка. Бумажная. В мире, где все оцифровано, бумага — это роскошь и высшая степень секретности. Бумагу нельзя взломать через Wi-Fi.

Я открываю папку. Там досье на Джироламо Савонаролу. Того самого аудитора из SEC, о котором вчера упоминал па-

па.

Я листаю страницы. Савонарола. Сорок два года. Не женат. Детей нет. Хобби: сборка моделей парусных кораблей и волонтерство в приюте для гончих. Не пьет, не курит, не пользуется Tinder. Его банковский счет — это воплощение скуки: ипотека, накопительный вклад и подписка на журнал «Бухгалтерский учет и налогообложение».

Я чувствую, как внутри меня начинает пульсировать легкая головная боль.

— Какой кошмар, — бормочу я, потирая переносицу. — Какой абсолютный, стерильный кошмар.

С маньяками, взяточниками и извращенцами работать легко. У каждого есть кнопка. Нажми на нее — и человек твой. Но что делать с человеком, у которого нет желаний? Как подкупить того, кто искренне кайфует от того, что дебет сходится с кредитом?

Мне нужен перерыв. Мне нужна терапия.

Кабинет доктора Валенти находится в районе Париоли, в старинной вилле, увитой плющом. Здесь пахнет лавандой, старыми книгами и отчаянием богатых людей.

Доктор Валенти — это дорогой аксессуар. Он стоит две тысячи евро за час. Его главная квалификация заключается в том, что он умеет слушать, не осуждая, и кивать с нужной частотой.

Я лежу на кушетке, обитой мягким велюром цвета пыль-

ной розы. Я ненавижу этот цвет. Он вызывает у меня желание уволить кого-нибудь.

— Итак, Чезаре, — голос доктора Валенти мягкий, обволакивающий, как дорогой плед. — Вы сказали, что чувствуете... пустоту после утренней работы?

Я смотрю в потолок. Там нарисованы херувимы. Интересно, знали ли херувимы, что через пятьсот лет под ними будет лежать человек, который только что обрушил хедж-фонд на триста миллионов, и жаловаться на выгорание?

— Это не пустота, доктор, — отвечаю я, сцепив руки на животе. — Это усталость от предсказуемости. Сегодня утром я уничтожил репутацию человека, не выходя из кухни. Я даже не испачкал манжеты. Раньше, чтобы уничтожить врага, нужно было посмотреть ему в глаза. Нужно было чувствовать его страх. А теперь? Я нажимаю кнопку на экране, и где-то в Лондоне у человека звонит телефон, ему говорят, что он банкрот, и он прыгает из окна. Я даже не вижу, как он падает. Это лишает процесс... интимности, что ли.

Доктор Валенти кивает. Ровно два раза. Идеальный тайминг. — Вы романтизируете насилие, Чезаре. Вы тоскуете по тактильности. Но вы должны понимать, что ваша работа — это не убийство. Это оптимизация экосистемы. Вы — садовник. Вы вырываете сорняки, чтобы цветы *VaticaCorp* могли тянуться к солнцу.

Я фыркаю. — Садовник. Звучит мило. Но сорняки, которые я вырываю, иногда имеют семьи, доктор. Вчера я слил в

сеть переписку одного политика. У него оказалась дочь-подросток. Сегодня ее травят в школе. Я не хотел трогать дочь. Но алгоритм Twitter решил, что это хайпово.

— Вы не можете контролировать алгоритмы, Чезаре. Вы можете только задавать им вектор, — невозмутимо отвечает Валенти. — И потом, вы же оплачиваете ее обучение в частной школе в Швейцарии через подставной благотворительный фонд, не так ли?

Я замираю. — Откуда вы это знаете? Доктор Валенти мягко улыбается. — Вы сами рассказали мне на прошлой неделе, когда мы обсуждали ваш комплекс спасителя.

Ах, да. Точно. Я забываю, что плачу этому человеку за то, чтобы он помнил мои грехи вместо меня.

— Доктор, — я поворачиваю голову и смотрю на него. — Скажите мне честно. Я социопат?

Валенти складывает пальцы домиком. Он знает, что за этот ответ я плачу ему бонус. — Чезаре, в современной корпоративной психологии мы избегаем ярлыков вроде «социопат». Мы предпочитаем термин «высокофункциональный прагматик с пониженной эмпатической реакцией на абстрактные сущности». Вы не причиняете боли ради боли. Вы причиняете боль ради KPI. Это совершенно разные вещи. Вы просто очень... эффективны.

Я закрываю глаза. Какое же это облегчение — слышать, что ты не монстр, а просто «эффективный менеджер с пониженной эмпатией». Психология — великая наука. Она может

оправдать что угодно, если у тебя достаточно денег на счету.

— У меня проблема с Савонаролой, — внезапно говорю я, меняя тему. — Аудитор из SEC. Он копает под нас. И он... он чистый. У него нет скелетов в шкафу. Нет любовниц. Нет офшоров. Он как терминатор, только вместо лазера у него сводная таблица в Excel. Как мне его сломать?

Доктор Валенти задумывается. Он встает, подходит к окну и смотрит на ухоженный сад. — Чезаре, каждый человек чего-то хочет. Если он не хочет денег или секса, значит, он хочет чего-то более глубокого. Справедливости? Признания? Власти над хаосом?

— Он хочет, чтобы мир был идеальным, — бормочу я. — Чтобы все цифры сходились. — Вот именно! — Валенти поворачивается ко мне, его глаза блестят. — Дайте ему хаос. Не грязный, криминальный хаос, который он может расследовать. А экзистенциальный, абсурдный хаос. Сломите его картину мира. Если он верит в логику, покажите ему, что мир иррационален. Заставьте его усомниться не в ваших цифрах, а в самой математике.

Я медленно сажусь на кушетке. В моей голове, среди стерильных полок с компроматом и схемами, начинает формироваться идея. Безумная, нелепая, но потенциально гениальная идея.

— Доктор Валенти, — говорю я, вставая и застегивая пиджак. — Вы только что заработали свои две тысячи евро. Вы гений.

— Я просто помогаю вам оптимизировать ваш внутренний ландшафт, Чезаре, — скромно отвечает он.

Я выхожу из кабинета, чувствуя, как ко мне возвращается энергия. Головная боль прошла. Черная водолазка сидит идеально. Мир снова обрел смысл.

Орсини почти мертвы. Папа получил свой Синдикат. Лулу продает свои ядовитые чаи миллионам наивных девушек. А я? Я только что понял, как убить самого скучного человека на земле.

Я сажусь в свой *Aurus* и достаю телефон. Набираю номер Донателлы. — Донни, отменяй все кибератаки на Савонаролу, — говорю я, как только она берет трубку. — Босс? Но он же подбирается к нашим Каймановым счетам! — Пусть подбирается. Мы не будем его взламывать. Мы будем его лечить. Найди мне лучшего поставщика психоделических грибов в Амстердаме и специалиста по НЛП-гипнозу. И забронируй столик в самом модном, претенциозном и абсурдном веганском ресторане Рима.

— Босс, вы собираетесь его отравить? — в голосе Донателлы слышится надежда. — Хуже, Донни, — усмехаюсь я, глядя, как римские улицы проносятся за тонированным стеклом. — Мы собираемся расширить его сознание. Мы покажем ему, что дебет и кредит — это просто социальный конструкт.

Я отключаю связь и откидываюсь на спинку кресла.

Быть Борджиа в эпоху Возрождения было опасно. Тебе

могли отрубить голову на площади. Быть Борджиа сегодня — это тяжело. Тебе приходится быть психотерапевтом, хакером и режиссером чужих жизней одновременно.

Но, черт возьми, это такая увлекательная игра. И я всегда играю белыми фигурами. Даже если эти фигуры вымазаны в грязи.

Глава 3. Хэштег #СвятаяНевинность (или Как очистить карму и прямую кишку за один прием) POV: Лукреция

История — это самая вульгарная сплетница, у которой нет фактчекеров.

Если вы откроете Википедию или, не дай бог, посмотрите какой-нибудь псевдодокументальный сериал на стриминге, вы узнаете, что моя пра-пра-пра-прабабка, Лукреция Борджиа, была инцестуозной отравительницей, которая сыпала загадочную «кантареллу» в вино своих мужей, чтобы папочка и братик могли выгоднее перепродать ее на брачном рынке.

Какая пошлость. Какой недостаток фантазии.

Во-первых, кантарелла — это вообще не яд, а просто экстракт шпанской мушки, от которого у мужчин случается болезненная эрекция, а не смерть. А во-вторых, зачем мне травить мужей, если в двадцать первом веке есть брачные контракты с железобетонными пунктами о конфиденциальности, бракоразводные процессы, инициированные через Twitter, и, конечно же, моя линейка уходовой косметики и детокс-чаев *Holy Glow*?

Я сижу перед огромным зеркалом в своей гардеробной. Воздух здесь пахнет нишевым парфюмом *Le Labo Santal 33* — этот запах напоминает о дорогих бутиках, сандаловом дереве и легкой ноте рассола от каперсов. Это запах денег, которые не нужно зарабатывать руками.

Перед мной стоит мой личный нимб: кольцевая лампа диаметром в полметра, выставленная на холодные 5600 Кельвинов. Она делает мою кожу фарфоровой, а глаза — бездонными озерами невинности. Я поправляю лямку шелкового халата *vintage Dior*, который стоит как подержанная иномарка, и делаю пробное селфи.

Щелк. Идеально. Легкая дымка меланхолии, чуть приоткрытые губы, взгляд, направленный немного в сторону, будто я только что заметила страдающего бездомного котенка и готова перевести ему миллион на лечение.

Мой телефон, лежащий на мраморной столешнице, вибрирует. Сообщение от Чезаре.

«Лулу. Завтра в 10:00 совет директоров AgroTech. Сфорца должен заблокировать сделку с "Теневым Инвестором". Если он проголосует "против", наша схема по скупке агрохолдингов через Кипр рухнет. Реши вопрос. Не пачкая руки. Целую, Шеф.»

Я закатываю глаза. Чезаре такой драматичный. «Не пачкая руки». Брат мой, я вообще не помню, когда в последний раз держала в руках что-то тяжелее бокала просекко и айфона с чехлом из страусиной кожи.

Дверь гардеробной открывается, и в комнату входит Джованни Сфорца. Мой жених. Основатель и CEO стартапа *GreenBite* — сервиса по доставке органической, фермерской, эмоционально поддержанной еды.

Джованни выглядит так, будто только что сошел с обложки журнала *Forbes 30 under 30*, если бы этот журнал спонсировался производителями хумуса. На нем жилетка *Patagonia*, белая футболка из переработанного океанического пластика и кроссовки, которые никогда не видели грязи. От него пахнет эвкалиптом и наивной верой в то, что бизнес может менять мир к лучшему.

Он милый. Правда. У него красивые скулы, густые волосы и полное отсутствие инстинкта самосохранения. Он думает, что мы с ним — современная сказка. Он не знает, что моя семья рассматривает его компанию как аппетитный стейк, который нужно проглотить, даже не пережевывая.

— Лулу, милая, ты не спишь? — Джованни проводит рукой по волосам, его лицо выражает легкую панику. — Я не могу уснуть. Завтра голосование. Этот "Теневой Инвестор", который скупает наши акции... У меня плохое предчувствие. Я чувствую в их энергетике дисбаланс. Они хотят монополизировать рынок органической спаржи! Это убьет мелких фермеров!

Я поворачиваюсь к нему на пуфике, складывая руки на коленях. Я делаю свои глаза максимально большими и влажными.

— Джованни, дорогой, — мой голос звучит тихо, с легкой хрипотцой, которую я оттачивала на курсах вокала для подкастеров. — Ты слишком близко к сердцу принимаешь корпоративные войны. Твоя аура сейчас просто кишит кортизолом. Ты знаешь, что стресс блокирует твои лидерские чакры? Если ты завтра войдешь в зал заседаний в таком состоянии, ты не спасешь фермеров. Ты просто отдашь им свою силу.

Джованни вздыхает и садится на край бархатного дивана. — Я знаю, Лулу. Но как мне расслабиться? Я должен быть твердым. Я должен сказать "нет".

Я встаю, плавно скользя по паркету, и подхожу к нему. Кладу ладонь на его горячий лоб. — Тебе не нужно быть твердым, Gio. Тебе нужно быть *легким*. Помнишь, что говорил мой духовный наставник на Бали? Прежде чем принять важное решение, нужно очистить сосуд. И физически, и ментально.

Я иду к мини-кухне, встроенной в мою гардеробную (потому что где еще готовить утренние эликсиры, как не рядом с коллекцией сумок *Hermès*?). Я беру свой японский чайник ручной работы и начинаю священнодействовать.

В мире больше не используют мышьяк или белладонну. Это так... средневеково. К тому же, судмедэксперты нынче пошли образованные, сразу находят следы тяжелых металлов. Мой яд легален, сертифицирован Минздравом и продается по шестьдесят евро за баночку.

Я открываю матовую стеклянную банку с надписью *Holy Glow: Утренний Дзен*. Внутри — порошок цвета болотной тины. Состав: органическая матча, корень мака, экстракт гуараны и... моя секретная авторская добавка. Смесь экстракта сенны, концентрированного цитрата магния и коры крушины. В дозировке, превышающей терапевтическую раз в пять. Это не просто слабительное. Это экзорцизм для желудочно-кишечного тракта. Это цунами, которое смывает все на своем пути, оставляя после себя лишь звенящую пустоту и легкое обезвоживание.

— Что это? — подозрительно спрашивает Джованни, глядя на то, как я венчиком взбиваю зеленую жижу. — Это мой новый протокол, — шепчу я, передавая ему чашку из тонкой керамики. — Я называю его «Квантовое очищение». Это поможет тебе сбросить токсичную привязку к материальным активам. Когда твое тело отпустит старое, твой разум увидит истинный путь.

Джованни смотрит на чашку. От нее пахнет сеном и немного тиной. — Лулу, я не знаю... у меня завтра важная презентация. Вдруг у меня будет бурление в животе? — Джованни! — я делаю вид, что обижаюсь, надувая губы. — Ты сомневаешься в дарах природы? Это не бурление. Это *движение энергии*. Это твоя интуиция просыпается. Выпей. Ради нас. Ради фермеров.

Он смотрит на меня. В моих глазах он видит ангела, который бросил карьеру в модном доме, чтобы варить ему трав-

ки. Он не может отказать. Он берет чашку и делает большой глоток. Морщится. — Вкус... землистый, — выдавливают он. — Это вкус корней, милый. Ты соединяешься с Матерью-Землей, — улыбаюсь я, забирая у него чашку и заставляя допить до дна. — А теперь иди, прими контрастный душ. Визуализируй, как белые потоки света вымывают из тебя сомнения.

Джованни кивает, целует меня в щеку и уходит в ванную. Я жду. Ровно двенадцать минут. Именно столько времени нужно цитрату магния, чтобы начать свою разрушительную, но такую полезную работу в организме человека, весом в восемьдесят килограммов.

Из ванной раздается звук душа. А затем... звук, который невозможно спутать ни с чем. Глухой, утробный рокот, напоминающий отдаленный грохот поезда в метро.

Душ резко выключается. — Лулу? — голос Джованни звучит пискляво и напряженно. — Лулу, мне кажется, моя энергия движется слишком быстро. — Дыши, любимый! — кричу я из гардеробной, уже доставая штатив для телефона. — Не сопротивляйся потоку! Прими его!

Дверь ванной распахивается. Джованни выбегает оттуда, обернутый в полотенце, его лицо приобрело оттенок незрелого авокадо. Он зажимает живот руками, его колени слегка согнуты, а походка напоминает пингвина, который пытается удержать между лапками невидимый арбуз.

— Туалет... где гостевой туалет?! — шипит он, не в силах

разогнуться. — В конце коридора, налево, за вазой династии Мин! — подсказываю я, стараясь, чтобы в моем голосе звучала только любовь и поддержка.

Он срывается с места. Скорость, которую он развивает, достойна олимпийского золота. Дверь гостевого санузла хлопывается, и через секунду до меня доносятся звуки, которые лучше не описывать в приличном романе. Скажем так, экзорцизм начался. И демоны были очень, очень злыми.

Я спокойно устанавливаю телефон на штатив, включаю кольцевую лампу и нажимаю «Запись».

— Привет, мои ангелы, — шепчу я в камеру, делая лицо максимально сосредоточенным и слегка грустным. — Сегодня особенное утро. Мой любимый Джованни готовится к самому важному дню в своей жизни. Он борется за экологию, за фермеров, за правду. Но, к сожалению, корпоративный мир — это очень токсичное место. И иногда, чтобы защитить свою душу, телу приходится... очищаться.

Я делаю паузу, позволяя фоновому звуку из туалета (громкий стон и звук смываемой воды, тут же прерываемый новым приступом) добавить атмосферы.

— Он сейчас проходит через тяжелый духовный и физический катарсис, — продолжаю я, прикладывая руку к сердцу. — Он не сможет присутствовать на совете директоров. Его тело просто не позволит ему выйти из этой комнаты. Но я... я буду молиться за него. И, возможно, как его доверенное лицо, я подпишу некоторые бумаги, чтобы его голос был

услышан. Потому что любовь — это когда ты берешь на себя удар, пока твой партнер... исцеляется.

Я посылаю воздушный поцелуй в объектив и останавливаю запись.

Мой телефон снова вибрирует. Это Чезаре. *«Сфорца вышел на связь? Он в офисе?»*

Я набираю ответ, мило улыбаясь своему отражению в экране: *«Джованни сегодня на больничном. Внезапное пищевое отравление духовностью. Я еду в офис с его доверенностью. Голоса наши. Кстати, запусти мой рилс, я только что выложила. Хэштег #СемьяВажнееБизнеса».*

Через минуту из туалета доносится слабый, умирающий голос: — Лулу... вызови скорую... или экзорциста... мне кажется, я видел Бога, и Он был зеленого цвета... — Потерпи, милый! — кричу я, выбирая в шкафу идеальный белый костюм от *Chanel*, который сделает меня похожей на скорбящую вдову по чужим амбициям. — Я звоню твоему ассистенту, чтобы он перенес все встречи! Тебе нужен покой! И, возможно, подгузники!

Я выхожу из пентхауса, оставляя Джованни наедине с его «квантовым очищением».

В лифте я открываю TikTok. Видео уже набрало десять тысяч просмотров. В комментариях девочки пишут: *«Лулу, ты святая!»*, *«Вот это настоящая поддержка!»*, *«Мой бывший бы просто ушел на работу, а она осталась молиться!»*.

Я усмехаюсь, поправляя идеальную прядь волос. В эпоху Возрождения Лукрецию Борджиа обвиняли в инцесте и убийствах. Глупые, ограниченные мужчины. Они просто не понимали, что настоящая власть женщины не в том, чтобы подсыпать яд в кубок. Настоящая власть в том, чтобы заставить мужчину самому выпить слабительное, поблагодарить за это, а потом отдать тебе контрольный пакет акций своей компании, пока он сидит на унитазе и верит, что открывает чакры.

Двери лифта открываются в подземный гараж. Мой водитель, гигант в костюме, который выглядит так, будто умеет ломать шеи одним мизинцем, открывает передо мной дверь черного *Maybach*.

— В офис *AgroTech*, Марко, — говорю я, устраиваясь на прохладной коже сиденья. — И заедем в аптеку. Купим упаковку влажных салфеток с ромашкой и хорошие пробиотики. Мой жених сегодня совершил настоящий подвиг во имя экологии.

Машина плавно трогается с места. Я смотрю в окно на утренний Рим. Город вечный, город грешный, город мой.

Папа захватывает теневые синдикаты. Чезаре ломает хедж-фонды и психику аудиторов. А я? Я создаю нарративы. Я управляю тем, что люди чувствуют, когда смотрят на свои экраны. И, поверьте, это куда мощнее любой армии.

В конце концов, империи рушатся не от мечей. Они рушатся от плохого пиара и вовремя не купленных акций. А у

меня с пиаром все просто идеально.

Я достаю из сумочки баночку *Holy Glow*, отсыпаю немного порошка в свой стакан с водой и размешиваю. В микродозах это отличный антиоксидант. И кожа после него просто сияет.

— За здоровье, — тихо говорю я своему отражению в тонированном стекле. И делаю глоток.

Глава 4. Вечеринка на Ибице (или Как утопить конкурента в бассейне с подогревом) POV: Хуан «Джей»

Бас-хаус — это не музыка. Это медицинская процедура. Когда децибелы бьют тебе прямо в грудную клетку, они массируют сердце, заставляя его качать кровь в ритме 128 ударов в минуту. Это идеально синхронизирует твою чакру с блокчейном.

Я стою на верхней палубе своей мега-яхты «Святая Мария» (да, я знаю, неоригинально, но нейминг — это не моя сильная сторона; моя сильная сторона — это харизма и умение вовремя продать активы на Хаях). Вокруг меня танцуют люди, чья общая капитализация в крипте превышает ВВП небольшой африканской страны, но при этом они одеты в рваные худи и шлепанцы *Crocs* из лимитированной коллаборации с *Balenciaga*.

Воздух пахнет солью Средиземного моря, сандаловым кремом для загара *La Mer* и тем самым, слегка горьковатым, металлическим запахом дешевого кокаина, который кто-то обязательно рассыпал на стеклянный столик возле диджейской будки.

Я делаю глоток из бокала. В нем плещется что-то неоновое-синее, что мой личный миксолог назвал «Голубая Таб-

летка». На вкус как сироп от кашля, смешанный с батареей, но зато отлично смотрится в сторис.

— Джей, бро! — кричит мне на ухо какой-то парень с татуировкой QR-кода на шее. — Слышал, ты вчера закупился «Грустными Обезьянами»?! Гениально! Флор-прайс скоро пробьет десять эфиров!

Я выдавливаю из себя улыбку, которая, как я надеюсь, выглядит как ухмылка альфа-самца, а не как гримаса человека, который только что потерял сорок миллионов долларов отцовских денег на NFT с депрессивными приматами.

— Конечно, бро, — хлопаю его по плечу. — Мы же в этом надолго. HODL, как говорится. Держим хватку.

Парень уходит, растворяясь в толпе инфлюэнсеров, а я чувствую, как внутри меня сжимается холодный комок тревоги. Папа убьет меня. Нет, папа не убьет. Папа просто посмотрит на меня своими глазами цвета выдержанного виски, и я сам захочу прыгнуть за борт с бетонным блоком на шее. Чезаре... Чезаре хуже. Чезаре просто молча перепишет мое завещание и отменит мою подписку на *Netflix*.

Я — Хуан Борджиа. В семье и тусовке меня зовут Джей. Я — «вайб». Папа — это мозг, Чезаре — это скальпель, Лулу — это лицо. А я? Я тот самый парень, который создает шум. Я гоняю на *Bugatti*, я инвестирую в стартапы, которые обещают доставлять авокадо с помощью дронов, и я устраиваю лучшие вечеринки в Европе.

Но в последние полгода вайб что-то не задался. Мой крип-

то-кошелек тает быстрее, чем ледники, которые мы, по словам Лулу, спасаем своими жертвованиями.

Мне нужно проветриться. И, возможно, вдохнуть немного мотивации.

Я оставляю толпу крипто-бро и моделей на главной палубе и спускаюсь по винтовой лестнице на нижний ярус. Здесь находится VIP-зона с небольшим infinity-бассейном, который визуально сливается с черной гладью океана. Здесь тихо. Музыка доносится лишь глухим утробным гулом.

Я достаю из кармана льняных брюк маленький серебряный кейс. Открываю его. Внутри — идеальные белые дорожки.

Я наклоняюсь к стеклянному бортику бассейна, поднося трубочку к носу, и вдруг замираю.

В воде что-то есть.

Сначала я думаю, что это кто-то бросил надувного фламинго. Но фламинго не носят часы *Richard Mille* за триста тысяч долларов. И фламинго не носят белые льняные пиджаки.

Я всматриваюсь в темную, подсвеченную изнутри голубым светом воду.

Тело лежит лицом вниз. Руки раскинуты, словно человек пытался обнять бассейн.

— Эй, чувак, — говорю я, стараясь, чтобы голос звучал непринужденно. — Вечеринка наверху. Тут только для тех, кто умеет дышать под водой.

Тело не отвечает.

Я опускаюсь на колени, не обращая внимания на то, что вода мочит мои лимитированные кроссовки. Хватаю человека за плечо и переворачиваю.

Вода стекает с его лица, и неоновый свет бассейна выхватывает его черты.

У меня перехватывает дыхание. Желудок делает сальто, и «Голубая Таблетка» угрожает вернуться обратно.

Это Пьетро Колонна.

Сын главы семейства Колонна. Тех самых Колонна, которые владеют половиной портов в Италии, частными военными компаниями в Африке и, по слухам, имеют прямую связь с мафией, которая считает слово «налоги» личным оскорблением. Пьетро был здесь. Он пришел без приглашения, напился моего лучшего шампанского, обозвал мою яхту «плавающим борделем для гиков» и сказал, что мой отец — «выскачка с хорошим PR-отделом».

А теперь он плавает в моем бассейне с подогревом. Мертвый.

Я прижимаю два пальца к его шее. Кожа холодная и склизкая. Пульса нет. Я проверяю зрачки. Они расширены и смотрят в никуда. Передоз? Инсульт? Или кто-то из моих гостей, обидевшись на его хамство, решил помочь ему охладиться?

— Блядь, — выдыхаю я в пустоту. — Блядь, блядь, блядь.

Я оглядываюсь. На потолке мигает красный огонек. Камера. Система безопасности *VaticaCorp*. Она пишет всё. 24/7.

В 4К разрешении.

Если тело Пьетро Колонна найдут на моей яхте, это не будет скандал. Это будет война. Настоящая, с автоматами и взрывчаткой в машинах. Папа потеряет Синдикат. Чезаре будет вынужден тратить все свое время на зачистку, а Лулу... Лулу просто удалит меня из своих отметок на фото в Instagram, что, честно говоря, пугает меня больше всего.

Мои руки трясутся так сильно, что я с третьего раза попадаю пальцем в иконку телефона. Я выбираю контакт «Шеф». Гудок. Один. Второй.

— Если ты звонишь мне в три часа ночи, — раздается в трубке голос Чезаре, холодный, как жидкий азот, и ровный, как идеально подстриженный газон, — значит, кто-то мертв, или ты снова купил скам-коин с собакой на логотипе.

— Чезаре! — мой голос срывается на писк. Я пытаюсь дышать, но воздух в легких превратился в бетон. — Оба варианта! То есть, один! Мертв! Пьетро Колонна мертв!

В трубке повисает тишина. Такая плотная, что мне кажется, я слышу, как у Чезаре в кабинете в Риме тикают его антикварные часы.

— Повтори, — тихо говорит он. — Пьетро Колонна! Сын дона Колонна! Он плавает в моем VIP-бассейне на нижней палубе! Лицом вниз! Я думал, это надувной матрас! Чезаре, у меня тут камеры! Они всё пишут!

Я слышу, как Чезаре делает медленный, глубокий вдох. — Ты его трогал? — Я его перевернул! Я проверял пульс!

— Ты идиот, Джей. Ты только что оставил свои отпечатки на мокром шелке. Слушай меня очень внимательно.

Голос Чезаре меняется. В нем больше нет брата. Теперь со мной говорит Директор по управлению рисками.

— Не трогай тело. Не трогай воду. Не смывай воду из бассейна, не вытирай руки полотенцем. Отойди от бассейна на три метра. Сядь на диван. И молись, чтобы у тебя не началось нервное расстройство и ты не начал писать об этом в Twitter. — Что мне делать?! Вокруг триста человек! Кто-то может спуститься вниз! — Никто не спустится. Я прямо сейчас удаленно заблокирую двери на нижнюю палубу и отключу лифты. Скажу охране, что там проводится дезинсекция от клопов.

— А камеры?! — паникую я. — Камеры уже мои, — спокойно отвечает Чезаре. — Сервер локальный. Донателла уже стирает последние два часа записи и заменяет их на зацикленное видео пустого бассейна. Но это не решает проблему физического тела, Джей.

— Я вызову скорую! Скажу, что ему стало плохо! — И когда токсикология покажет коктейль из кокаина, МДМА и твоего фирменного синего сиропа, а патологоанатом найдет у него в затылке крошечную гематому от удара тупым предметом, например, твоим *Rolex*, ты сядешь в итальянскую тюрьму, где мыло не входит в стоимость проживания, — отрезает Чезаре.

Я сглатываю. В горле сухо. — Чезаре... Папа меня убьет.

— Папа тебя не убьет, Джей. Папа тебя *монетизирует*, если это будет выгодно. Но до этого тебе нужно выжить.

В трубке слышится звук печатаемой клавиатуры. — Микелотто уже вылетел из Рима на вертолете. Он будет у тебя через час. До его приезда ты будешь сидеть на диване и пить воду. Не алкоголь. Воду. И если кто-то из гостей начнет ломиться в дверь VIP-зоны, ты скажешь, что там уединился Илон Маск и медитирует.

— Илон Маск на моей яхте? Они не поверят! — Они поверят во что угодно, если ты пообещаешь им раздать бесплатные токены его новой нейросети, — фыркает Чезаре. — Сиди тихо, Джей. И помни: ты ничего не видел. Ты был наверху, танцевал. Ты вообще не спускался вниз. Понял?

— Понял, — шепчу я, глядя на безжизненное лицо Пьетро, которое теперь, в свете голубой подсветки, выглядит почти умиротворенным. — Умница. И Джей? — Да? — В следующий раз, когда захочешь купить «Грустных Обезьян», просто сожги деньги. Это будет экологичнее и дешевле для семьи.

Связь обрывается.

Я сижу на белом кожаном диване, обхватив колени руками. Сверху глухо бум-бум-бумкает бас-хаус. Триста человек веселятся, пьют мое шампанское и мечтают стать миллионерами.

А я сижу в трех метрах от трупа наследника самой опасной семьи в Италии и понимаю, что моя жизнь, какой я ее

знал, только что закончилась.

Я достаю телефон и открываю приложение крипто-биржи. График «Грустных Обезьян» рухнул еще на двадцать процентов.

— Ну, по крайней мере, — бормочу я себе под нос, глядя на мертвого Пьетро, — этот парень больше никогда не потеряет деньги на NFT.

Я откидываюсь на спинку дивана и жду вертолет. Вайб окончательно испорчен.

Глава 5. Клининг и компромат (или Как упаковать труп в контейнер для белых трюфелей) POV: Чезаре

Четыре часа семнадцать минут утра. Рим спит, укутанный в туман, стекающий с холмов, но серверы не спят никогда. Серверы — это нервная система современного мира, и прямо сейчас я чувствовал, как у нее начинается мигрень.

Я сидел в своем кабинете на сорок втором этаже *VaticaCorp*. Стекланные стены были переведены в режим максимальной матовости. В комнате пахло озоном от работающих очистителей воздуха и легким ароматом моего эспresso, который уже успел остыть. На мне была моя любимая черная водолазка из шерсти мериноса. Она ощущалась на теле как вторая кожа, или, точнее, как кольчуга, которая защищает от хаоса внешнего мира.

Передо мной, на стене, которая в дневное время служила экраном для презентаций квартальных отчетов, сейчас транслировалась прямая связь с Ибицей. Качество картинки было безупречным — 8K, без задержек, спутниковый канал, за который мы платили больше, чем за содержание небольшой европейской армии.

На экране Микелотто, незаменимый глава службы безопасности, стоял в VIP-зоне яхты «Святая Мария». Он был

одет в белый костюм химзащиты, поверх которого был надет фартук с логотипом элитного кейтерингового агентства. Выглядело это так, будто он собирался разделять тунца на шоу у Гордона Рамзи, но с легким налетом постапокалипсиса.

— Микелотто, — сказал я в микрофон, встроенный в мой стол. Мой голос звучал ровно, без единой нотки паники. Паника — это для тех, у кого нет отдела логистики. — Статус.

— Объект упакован, синьор Чезаре, — бесстрастно ответил Микелотто. Его голос доносился через защищенный канал, слегка искаженный помехами. — Вес объекта — восемьдесят два килограмма. Температура воды в бассейне была тридцать градусов, что ускорило окоченение, но мы компенсировали это жидким азотом.

Камера повернулась, и я увидел, как два парня в таких же белых костюмах загружают длинный, герметичный термokonтейнер из матового алюминия на грузовую тележку. На боку контейнера красовалась элегантная надпись: *«Свежий урожай. Белые трюфели из Альбы. Требуется температуры +2°C. Не кантовать»*.

— Отлично, — кивнул я, делая пометку в своем планшете. — Убедись, что таможенник в порту получил свой «подарок». — Синьор, таможенник получил два билета на финал Лиги Чемпионов и ключи от новенького *Porsche Taycan*. Он лично поставит штамп «Санитарный контроль пройден» и даже не посмотрит в сторону контейнера. Груз будет по-

гружен на частный борт, который вылетает в Цюрих через час. — В Цюрих? — я приподнял бровь. — Я думал, мы отправим его в «медицинский исследовательский центр» в Женеве. — Центр переполнен, синьор. Слишком много крипто-миллионеров в последнее время решают заморозить свои головы. Пришлось перенаправить груз на нашу частную виллу в Альпах. Там есть отличный подвал. А наш шеф-повар как раз искал, куда деть старые запасы вина.

Я усмехнулся. В пятнадцатом веке мой предок Чезаре Борджиа просто сбрасывал тела неудобных в Тибр, привязав к ногам камни. Романтично, но неэкологично. Рыба начинала мутировать, а вонь от разложения портила вечера римской знати на набережной. Современное «утилизирование» — это высший пилотаж цепочки поставок менеджмента. Труп — это просто проблемный актив, который нужно переместить из колонки «Убытки» в колонку «Замороженные активы».

— Выгружайте его на виллу и положите в морозильную камеру для дичи, — распорядился я. — Пусть полежит там, пока я не придумаю, как элегантно сообщить дону Колонна, что его сын решил уйти в цифровой детокс и уехал в тибетский монастырь без связи.

— Будет сделано, синьор. А что делать с водой в бассейне? — Слейте воду. Замените фильтры. Залейте новый бассейн и бросьте туда пару бутылок моего любимого шампанского. Пусть гости думают, что это часть перформанса. И, Мике-

лотто? — Да, синьор? — Скажи Джею, чтобы он прекратил ныть и пошел умыться. Если он напишет хоть один твит о «плохом вайбе», я лично отключу ему Wi-Fi на месяц.

Связь прервалась. Экран погас, снова превратившись в безупречно чистую стеклянную панель.

Я откинулся в кресле и потер переносицу. Физическая проблема была решена. Тело Пьетро Колонна уже летело над Альпами в контейнере для трюфелей. Но в современном мире физика — это только верхушка айсберга. Настоящая война ведется в цифре. И прямо сейчас мой второй монитор начал мигать красным.

Это был сигнал от Донателлы, моего главного кибер-инквизитора.

Я нажал кнопку интеркома. — Докладывай, Донни. Только без драмы, у меня и так пульс девяносто. — Босс, у нас проблема в юридической плоскости, — ее голос звучал бодро, несмотря на то, что на улице была ночь. Донателла, похоже, вообще не спала, питаясь исключительно энергетиками и чужими секретами. — Магистрат Ринальди. Тот самый, из антимафиозного управления. Я поморщился. Антонио Ринальди. Человек-напоминание о том, что в Италии еще остались люди, которые верят в закон больше, чем в здравый смысл. Он носил дешевые костюмы, ел пасту с томатной пастой из супермаркета и ненавидел семью Борджиа лютой, иррациональной ненавистью. — Что он хочет? — Его алгоритмы мониторинга засекали, что телефон Пьетро Колонна пин-

говал вышку рядом с Мариной Ибицы ровно в то время, когда ваша яхта была там. А потом телефон ушел в оффлайн. Ринальди только что запросил у суда ордер на немедленный обыск яхты «Святая Мария» и арест Хуана Борджиа по подозрению в похищении человека. Судья подписывает ордер через двадцать минут.

Я закрыл глаза. Двадцать минут. Если итальянская финансовая гвардия вломится на яхту, они не найдут тело. Но они найдут Джея в состоянии аффекта, горы кокаина, нелегальные ставки на крикет и, возможно, пару несовершеннолетних моделей, которых Джей, в силу своей вечной молодости души, пригласил на борт. Этого будет достаточно, чтобы отправить брата в тюрьму строгого режима лет на десять.

— Донни, можешь взломать судью? — Судья использует бумажные бланки и печатает на машинке *Olivetti* 1982 года, босс. Он аналоговый динозавр. Его не взломать. — Проклятье. Ладно. Где сейчас Ринальди? — Он выехал из дома. Едет в прокуратуру, чтобы забрать подписанный ордер и передать его карабинерам. — Перехвати его, — холодно сказал я. — Не физически. Информационно. Пригласи его на «экстренный брифинг по поводу утечки данных в его ведомстве». Скажи, что это вопрос национальной безопасности. Завези его на наш логистический хаб на окраине Рима. Тот самый, где мы храним бумажные архивы. — Босс, там сейчас работает только ночная смена клининга и охрана. — Тем лучше. Атмосфера должна быть соответствующей. Я выез-

жаю.

Логистический хаб *VaticaCorp* на окраине Рима — это огромное, бетонное сооружение, которое снаружи выглядит как обычный склад. Но внутри это стерильное пространство, где хранятся тонны бумажных документов, жесткие диски и серверы, которые по каким-то причинам нельзя держать в облаке. Здесь пахнет фреоном, хлоркой и пылью, которая никогда не оседает.

Я вошел в переговорную комнату, которая на самом деле была просто стеклянным кубом посреди огромного, пустого ангара с рядами стеллажей, уходящими в темноту. Освещение было холодным, люминесцентным, от него у любого нормального человека начиналась легкая депрессия.

Двери открылись, и двое моих людей в черных костюмах ввели Антонио Ринальди.

Магистрат выглядел именно так, как я его себе представлял. Мешковатый серый пиджак, рубашка с воротником, который помнил еще папу Иоанна Павла II, и лицо человека, который каждое утро смотрит в зеркало и видит там единственного рыцаря в этом прогнившем мире.

Увидев меня, он остановился. Его глаза сузились. — Борджиа. Что это за цирк? Мои люди сказали, что произошла утечка в базах Интерпола. — Добрый вечер, магистрат Ринальди, — я встал, застегивая пиджак, и указал на стул напротив. — Присаживайтесь. Никакой утечки нет. Это был

предлог, чтобы вытащить вас из машины. Кофе? У нас есть растворимый. Я знаю, что вы не пьете ничего, что стоит дороже двух евро за пачку.

Ринальди не сел. Он сжал кулаки. — Вы похитили меня. Это препятствование правосудию. А через час мои карабинеры арестуют вашего брата-наркомана на Ибице за убийство Пьетро Колонна. Я знаю, что вы замешаны в этом, Чезаре. Вы всегда убираете за ним грязь. Я вздохнул. Какие же они все предсказуемые. — Антонио, пожалуйста. Никакого убийства не было. Пьетро Колонна жив, здоров и сейчас находится в глубоком духовном поиске. А мой брат просто страдает от легкой формы сезонной аллергии на ответственность.

Я достал из кармана тонкий планшет и положил его на стол экраном вниз. — Но давайте не будем о моих родственниках. Давайте поговорим о вас. О вашем духовном поиске, Антонио.

Ринальди нахмурился. — О чем вы, черт возьми, говорите? — Видите ли, магистрат, — я начал медленно обходить стол, мои шаги гулко отдавались в пустом ангаре. — В пятнадцатом веке, если бы какой-нибудь инквизитор начал копать под мою семью, мой прадед просто пригласил бы его на ужин. И в его бокале с вином оказался бы свинец. Или мышьяк. Грубо, кроваво, но эффективно.

Я остановился за его спиной. Ринальди напрягся, но не обернулся. — Но мы живем в цивилизованном мире, Анто-

нию. Мы не убиваем людей. Мы убиваем их репутацию. Мы убиваем их цифровую личность. Мы делаем так, что человек продолжает дышать, ходить на работу и даже получать зарплату, но для общества он перестает существовать. Он становится парией.

Я наклонился к его уху. От него пахло дешевым мылом и праведным гневом. — Вы такой принципиальный, Антонио. Борец с мафией. Аскет. Но каждый аскет имеет свою тайную келью, где он грешит. И ваша келья находится не в церкви.

Я вернулся на свое место и перевернул планшет. Экран загорелся.

На видео, снятом в высоком разрешении, был запечатлен сам Антонио Ринальди. Но не в своем сером пиджаке. Он был одет в облегающий латексный костюм горничной из французского кино. На голове у него был кружевной чепчик. Он стоял на коленях в роскошном номере отеля и с невероятным энтузиазмом мыл пол, пока какая-то доминантная женщина в кожаном корсете похлопывала его стеком по плечам и называла «грязной маленькой посудомойкой».

Ринальди побледнел так, что его лицо стало цвета моего офисного мрамора. Он схватился за край стола, чтобы не упасть. — Это... это дипфейк, — прохрипел он. — Это монтаж. Вы не посмеете... — Антонио, — я улыбнулся, и моя улыбка была такой же теплой, как жидкий азот. — Наша нейросеть не рисует лица. Она просто анализирует ваши поисковые запросы, ваши покупки в секс-шопах по под-

ставным картам и геолокацию вашего телефона по вторникам и четвергам. А потом мы просто отправляем эту информацию нашей подруге, мадам Жоржетт, владелице элитного БДСМ-салона в Милане. И она, в обмен на отсутствие налоговых проверок, любезно предоставляет нам записи с камер в своих VIP-комнатах.

Я постучал пальцем по экрану. — Это не дипфейк. Это вы. И вы были просто восхитительны в роли горничной. Особенно, когда вас попросили вылизать пол.

Ринальди тяжело дышал. Его праведный гнев испарился, оставив после себя липкий, животный страх. Страх человека, который понимает, что его социальная жизнь сейчас будет уничтожена одним нажатием кнопки «Опубликовать».

— Что... что вам нужно? — его голос дрожал. — Ничего, Антонио. Абсолютно ничего, — я развел руками. — Я просто хочу, чтобы вы поняли: мир не черно-белый. В нем нет святых и грешников. В нем есть только те, кто контролирует нарратив, и те, кто становится мемом в TikTok.

Я нажал кнопку на планшете. — Если через пять минут судья, который печатает на *Olivetti*, не получит звонок от вас с просьбой отозвать ордер на обыск яхты «Святая Мария» по причине «отсутствия состава преступления и ошибочной идентификации», это видео окажется на первых полосах всех итальянских газет. А еще оно будет разослано всем вашим коллегам, вашей жене и, что самое ужасное, вашей теще. Я слышал, она очень строгая католичка. Как она отреа-

гирует на то, что ее зять любит мыть полы в латексе?

Ринальди закрыл лицо руками. Его плечи затряслись. Мне было почти жаль его. Почти. Но бизнес есть бизнес, а семья — это святое. И если для защиты семьи нужно превратить принципиального магистра в сломленную куклу, значит, такова воля рынка.

— Отозвать ордер... — прошептал он в ладони. — Я скажу, что информатор ошибся. Что телефон Пьетро просто упал в воду. — Превосходно, — я кивнул, забирая планшет. — Вы очень разумный человек, магистрат. И знайте, *VaticaCorp* ценит разумных людей. Мы только что открыли благотворительный фонд для поддержки детей с редкими заболеваниями. Возможно, мы найдем способ сделать пожертвование на счет вашей дочери. Анонимно, конечно.

Ринальди медленно опустил руки. В его глазах больше не было огня инквизитора. Там была только бесконечная, серая усталость человека, который понял, что проиграл войну, даже не успев достать шпагу. — Вы чудовища, Борджиа, — тихо сказал он. — Нет, Антонио, — я встал, поправляя манжеты. — Мы просто очень хороший клининг. Мы убираем грязь. А вы... вы просто немного испачкались.

Я кивнул своим людям у двери. — Проводите магистра к его машине. И дайте ему бутылку хорошей граппы. Ему сегодня понадобится что-то покрепче растворимого кофе.

Когда за Ринальди закрылась дверь, я остался один в

огромном, гулком ангаре. Ряды стеллажей с серверами и бумагами уходили в темноту, словно надгробия на кладбище чужих секретов.

Я достал телефон и набрал Донателлу. — Ордер отозван. Ринальди сломан. — Вы гений, босс, — радостно ответила она. — Джей только что написал, что его отпустили. Он спрашивает, можно ли ему заказать пиццу. — Скажи ему, что если он закажет пиццу с ананасами, я лично сдам его Интерполу, — буркнул я и отключился.

Я посмотрел на свое отражение в темном стекле переговорной комнаты. Черная водолазка, идеальная укладка, спокойный взгляд. Я выглядел как победитель. Но внутри меня была только звенящая пустота.

В эпоху Возрождения Чезаре Борджиа чувствовал азарт. Он скакал на коне, махал мечом, смотрел в глаза своим врагам. Он был воином. А я? Я сижу в стерильном складе на окраине Рима и шантажирую магистра видео, где тот моет пол в латексе. Где романтика? Где масштаб? Где, черт возьми, искусство?

Я достал из кармана упаковку мятных драже и закинул в рот пару штук. Мне определенно нужна была двойная сессия у доктора Валенти. И, возможно, новый терапевт. Потому что старый начинал казаться мне слишком... нормальным.

Я вышел из ангара в прохладную римскую ночь. На востоке небо уже начало бледнеть, приобретая цвет разбавленного молока. Новый день начинался. Папа захватывал мир, Лулу

продавала детокс, Джей выживал, а я... я просто держал этот проклятый цирк от полного развала.

И, знаете что? Это была лучшая работа в мире.

Глава 6. Подкуп кардиналов (или Как купить Папский престол с помощью смарт- контракта) POV: Родриго

Вертолет *Agusta Westland AW139* мягко коснулся посадочной площадки, скрытой от посторонних глаз густым лесом швейцарских елей. За иллюминатором бушевала метель, превращая Санкт-Мориц в бело-серую кашу, но внутри салона царил идеальная, кондиционированная весна. Температура — ровно двадцать один градус. Влажность — сорок пять процентов. Аромат — белый чай и бамбук.

Я поправил манжеты своего кашемирового пальто *Loro Piana* и надел темные очки, хотя на улице была ночь. Очки нужны были не от солнца. Они были оснащены встроенным тепловизором и сканером сетчатки, чтобы я мог заранее понять, кто из «кардиналов» сегодня пил слишком много антидепрессантов, а кто — недостаточно.

В пятнадцатом веке, в 1492 году, мой великий предок Родриго Борджиа покупал тиару Папы Римского. Историки любят писать, что он подкупил конклав четырьмя мулами, нагруженными серебряными слитками, раздал дюжину епископских кафедр и пообещал одному из кардиналов постав-

ку шелка. Какие же они были примитивные, эти люди эпохи Возрождения. Таскать серебро на мулах? Это же логистический кошмар! А шелк? Сегодня шелк носит любой бариста в Бруклине.

Сегодня «Глобальный Синдикат» — теневой совет семи семей, контролирующих семьдесят процентов мировых потоков капитала, данных и дофамина, — не принимает мулов. Они принимают только то, что нельзя потрогать, но можно монетизировать.

Я спустился по трапу, и меня тут же окружила свита. Никаких объятий. Только кивки и рукопожатия в перчатках из нано-волокна, убивающего любые бактерии.

Мы вошли в «Шале Святого Духа». Снаружи это выглядело как обычный, пусть и очень дорогой, альпийский домик из темного дерева. Но стоило пройти через шлюз, замаскированный под гардеробную, как ты оказывался в подземном бункере, вырубленном в гранитной скале. Здесь не было окон. Окна — это уязвимость для снайперов и дронов. Зато здесь был воздух, обогащенный кислородом до двадцати двух процентов, чтобы старые миллиардеры не засыпали во время голосования.

Я прошел по коридору, обшитому панелями из мореного дуба, поднятого со дна Балтики. Пахло историей, деньгами и легким оттенком озона от серверов, которые охлаждали эту гору.

Двери в «Сикстинскую капеллу» Синдиката бесшумно

разъехались в стороны.

Зал был великолепен. Высокий сводчатый потолок был расписан не библейскими сюжетами, а фресками, изображающими величайшие финансовые триумфы человечества: создание Ост-Индской компании, отмену золотого стандарта в 1971 году и ипотечный кризис 2008 года, изображенный в виде прекрасных нимф, танцующих вокруг горящего дома. В центре зала горел камин. Дрова для него были не простые, а из тех самых лесов Амазонии, которые моя же компания «спасала» от вырубki, срубив их заранее и спрятав в швейцарских ледниках. Экологичность — это когда ты сжигаешь то, что другие еще даже не успели защитить.

Вокруг камина, в глубоких кожаных креслах, сидели они. Кардиналы.

Лорд Элистер Вэнс, британский медиа-магнат, чьи газеты решали, кто станет премьер-министром, а кто — козлом отпущения. Он выглядел как породистый бульдог, которого только что ударили газетой по носу. Клаус фон Штауффен, немецкий индустриальный гигант, владеющий половиной заводов по производству микрочипов и четвертью мирового запаса редкоземельных металлов. Его лицо было таким же неподвижным и холодным, как процессор, который он, вероятно, имплантировал себе в череп. Изабелла Контарини, венецианская королева глобальной логистики. Ей было семьдесят, но благодаря моим же стволовым клеткам она выглядела на пятьдесят и носила платья от *Valentino*, кото-

рые стоили как небольшой фрегат. И Дмитрий Волков, человек, чьи трубопроводы и танкеры качали кровь мировой экономики. Он пил виски без льда и смотрел на огонь с тоской человека, который только что проиграл в покер собственную душу.

— Родриго, — хрипло произнес Лорд Вэнс, не вставая. — Ты опоздал на три минуты. Время — это деньги, а ты заставляешь нас тратить и то, и другое. — Элистер, дорогой, — я расплылся в улыбке, подходя к бару из черного оникса и наливая себе пятьдесят летний *Macallan*. — Я не опоздал. Я просто дал вам время осознать, насколько скучной была бы ваша жизнь без моего присутствия.

Я развернулся к ним, держа хрустальный бокал. — Господа. И дама. Старый председатель, сэр Алистер, к сожалению, покинул нас. Его печень, несмотря на все усилия лучших трансплантологов, решила, что пора уходить в оффлайн. Место Председателя Синдиката пусто. И, как учит нас базовая экономика, природа не терпит пустоты. Ее терпят рынки. А рынки требуют стабильности.

Я сделал глоток. Виски обжег горло, оставив послевкусие торфа, дуба и абсолютной власти. — Я предлагаю свою кандидатуру. И, думаю, мы сможем найти... синергию.

Клаус фон Штауффен медленно повернул голову. Его глаза, скрытые за очками в тонкой титановой оправе, блеснули. — Синергия — это слово для презентаций стартапов, Родриго. Нам нужны гарантии. *VaticaCorp* слишком агрессивна.

Вы лезете в наши сектора. Ваш отдел «управления рисками» во главе с вашим сыном Чезаре уже откусил кусок от моего логистического хаба в Роттердаме.

Я усмехнулся. Клаус любил прямоту. Что ж, давай поговорим прямо. — Клаус, Роттердам был неэффективен. Мы просто оптимизировали его для вас. Но давай поговорим о будущем. О литии.

Я достал из внутреннего кармана пиджака тонкий, прозрачный планшет и бросил его на стол перед немцем. — Здесь зашифрованный смарт-контракт. *VaticaCorp* только что получила эксклюзивные лицензии на разработку трех новых месторождений лития в Боливии через подставные экологические фонды. Мы не будем их разрабатывать. Мы передадим права твоему концерну за символический один евро. Ты получишь монополию на батареи для электромобилей на следующие двадцать лет. Твои акции взлетят на сорок процентов к закрытию торгов в пятницу.

Клаус посмотрел на планшет, потом на меня. В его глазах мелькнуло что-то, похожее на человеческую эмоцию. Жадность. Самая чистая и искренняя эмоция из всех. — А что ты хочешь взамен, Родриго? — Твой голос, Клаус. И чтобы твои лоббисты в Брюсселе перестали блокировать мой законопроект о послаблениях в налогообложении для крипто-активов. — Принято, — коротко кивнул Клаус, даже не прикасаясь к планшету. Он знал, что я не обману. В нашем мире нарушение слова каралось не пулей в затылок, а полным от-

ключением от глобальной банковской системы. А это было хуже смерти.

Один голос в кармане. Осталось трое.

Я повернулся к Изабелле Контарини. Она сидела, элегантно скрестив ноги, и крутила в пальцах бокал с минеральной водой, обогащенной коллоидным золотом. — Изабелла, *mia cara*, — мой голос стал мягче, обволакивающе. — Ты выглядишь потрясающе. Тот новый протокол пептидов, который мы разработали в наших женевских лабораториях, творит чудеса. — Он стоит мне два миллиона в год, Родриго, — холодно ответила она, ее итальянский акцент звучал как лезвие бритвы. — И я не уверена, что хочу видеть тебя во главе Синдиката. Ты слишком... вульгарен. Ты любишь шум. А логистика любит тишину. — Тишина — это хорошо, Изабелла. Но вечность — лучше.

Я подошел к ней ближе, понижая голос, чтобы остальные не слышали. — Наши ученые закончили третью фазу испытаний «Проекта Лазарь». Это не просто пептиды. Это редактирование теломер с помощью нано-ботов. Мы смогли обратить вспять клеточное старение у приматов на пятнадцать лет. Ее рука с бокалом дрогнула. Золотая вода плеснулась на ее платье от *Valentino*, но она даже не заметила. В ее глазах, за маской высокомерия, вспыхнул первобытный, животный ужас перед смертью. — Это... это готово к применению на людях? — прошептала она. — Почти, — соврал я. На самом деле, побочным эффектом была легкая паранойя и выпадение

ние волос, но мы работаем над этим. — Но для финальных испытаний нам нужны... особенные волонтеры. С безупречной генетикой и неограниченным бюджетом. Если ты поддержишь меня сегодня, завтра утром мой личный джет заберет тебя в Цюрих. Ты будешь первой. И ты будешь жить, Изабелла. Долго.

Она смотрела на меня так, словно я только что предложил ей Святой Грааль. В сущности, так оно и было. — Мой голос твой, Родриго, — тихо сказала она. — Но если у меня начнут выпадать волосы, я утоплю твои серверы в венецианских каналах. — Справедливо, — улыбнулся я.

Два голоса. Осталось двое. Лорд Вэнс и Волков. С Волковым было проще всего. Я просто перевел на его офшорный кошелек в Монако пять тысяч биткоинов с пометкой «Дивиденды за третий квартал». Его телефон в кармане пиджака тихо вибрировал. Он даже не посмотрел на экран, просто кивнул мне, поднимая свой бокал. Три голоса. Большинство.

Но оставался Лорд Вэнс. Британский аристократ, медиа-барон, человек, который считал, что миром правят не деньги, а «старые связи» и «безупречная репутация». Он презирал меня за то, что я был «выскочкой», чье состояние было сделано на технологиях, а не на наследственных поместьях.

Я подошел к камину, грея руки у огня. — Элистер, мой друг. Ты молчишь. — Я думаю, Родриго, — Вэнс отставил бокал и сцепил пальцы на животе. — Я думаю, что ты опа-

сен. Твоя дочь развращает мозги молодежи своим TikTok. Твой сын шантажирует политиков. А ты сам... ты слишком любишь власть. Если ты станешь Председателем, ты поглотить нас всех. Я не могу отдать тебе свой голос. Принципы, знаешь ли.

Я рассмеялся. Искренне, от души. — Принципы! Элистер, ты восхитителен. Ты говоришь о принципах, сидя в бункере, построенном на деньги от продажи оружия странам третьего мира. Но я уважаю твою приверженность морали. Поэтому я не буду предлагать тебе деньги. Я предложу тебе спасение твоей чести.

Я достал свой личный телефон и открыл защищенное приложение. — Скажи, Элистер, как поживает твоя прекрасная жена, леди Виктория? Та самая, которая является патроном трех благотворительных фондов, пишет колонки о семейных ценностях в *The Times* и пьет чай только с членами королевской семьи?

Вэнс нахмурился. — Виктория в порядке. А какое тебе до нее дело? — Видишь ли, Элистер, наши алгоритмы анализа больших данных — они такие любопытные. Они замечают паттерны, которые человеческий глаз упускает. Например, то, что леди Виктория каждые две недели летает на частном джете на остров Ибица. Не на твоем джете. На джете некоего... как его... Чада.

Я нажал кнопку, и на огромный экран над камином вывелось видео. Это не был дипфейк. Это было снято скрытой

камерой в пентхаусе на Иббисе. Леди Виктория, символ британской чопорности и семейных ценностей, в одежде, состоящей из трех кожаных ремней, страстно целовала двадцатидвухлетнего инструктора по серфингу с татуировкой в виде ананаса на ягодице. А затем они вместе прыгали в бассейн, смеясь и обсуждая, как сильно она ненавидит своего «скучного старого мужа Элистера».

В зале повисла тишина. Такая густая, что ее можно было резать ножом. Волков подавился виски и закашлялся. Изабелла прикрыла рот рукой, но в ее глазах плясали искры злорадовства. Клаус просто смотрел на экран, словно анализируя биомеханику движений инструктора.

Лорд Вэнс побледнел. Его лицо приобрело цвет старого пергамента. — Это... это подделка, — прохрипел он, но его голос дрожал. — Это ИИ... — Элистер, мы оба знаем, что ИИ еще не научился так идеально имитировать родинку на левой ягодице леди Виктории, — мягко сказал я, убирая телефон. — Это видео сейчас лежит на защищенном сервере. И оно никогда, никогда не попадет в *The Sun* или, не дай бог, в Twitter. Твоя репутация, твои «принципы», твое место в Палате Лордов — всё это останется нетронутым.

Я подошел к нему и положил руку на его дрожащее плечо. — Более того, *VaticaCorp* готова выкупить твой убыточный таблоид *The Daily Globe* по цене, которая в три раза выше рыночной. Мы спасем твой медиа-холдинг от банкротства. А ты... ты просто отдашь мне свой голос и поклянешься

ся, что леди Виктория больше никогда не полетит на Ибицу. Мы отправим Чада работать на алмазную шахту в Сибирь. Бесплатно.

Вэнс смотрел на меня. В его глазах я видел, как рушится его аристократический мир, его вера в превосходство голубой крови над новыми деньгами. Он понимал, что проиграл. Не в честном бою, а потому что я играл не по правилам джентльменов, а по правилам хищников.

— Ты дьявол, Борджиа, — прошептал он. — Нет, Элистер, — я улыбнулся, отходя от него. — Я просто хороший менеджер по работе с кризисными ситуациями.

Я вернулся в центр зала и поднял бокал. — Господа. И дама. Кажется, у нас консенсус.

Один за другим они кивнули. Неохотно, с ненавистью, с жадностью, со страхом. Но они кивнули.

В 1492 году Родриго Борджиа стал Папой Александром VI, потому что он был единственным, кто смог объединить разрозненные интересы кардиналов, предложив им именно то, чего они желали больше всего: власть, деньги и безопасность. Я только что сделал то же самое. Только вместо мулов с серебром я использовал смарт-контракты, генную терапию и компромат из облачных хранилищ.

— За Синдикат, — произнес я, и мой голос гулко разнесся по сводчатому залу. — За стабильность. За будущее.

Мы выпили. Виски был великолепен.

Я подошел к панорамному экрану, который транслиро-

вал вид с камер наружного наблюдения. Метель на улице усилилась. Снег хлестал по броне-стеклу, пытаясь пробиться внутрь, к теплу и свету. Но он не мог. Этот бункер был неприступен.

Я стал Председателем Глобального Синдиката. Теперь в моих руках были не только медиа, фарма и биохакинг *VaticaCorp*. Теперь я контролировал логистику, энергетику, тяжелую промышленность и мировые новости. Я стал невидимым императором планеты.

Мой телефон тихо пиликнул. Сообщение от Чезаре. *«Поздравляю с коронацией, Папа. Надеюсь, ты не забыл, что у нас все еще есть проблема с аудитором из SEC. Он не смотрит телевизор, не читает твои газеты и ему плевать на литий. Он просто смотрит в свои таблицы».*

Я усмехнулся, пряча телефон в карман. Ну что ж. У каждого Папы есть свой Савонарола. Монах в грубой рясе, который стоит на площади и кричит, что мир погряз в грехе. В пятнадцатом веке моего Савонаролу просто сожгли на костре, а пепел развеяли над Тибром.

Посмотрим, как современный инквизитор из SEC отреагирует на костер из алгоритмов и отмены в соцсетях.

— Микелотто, — сказал я в пустоту зала, зная, что мой помощник слышит меня через жучок в моем воротнике. — Готовь борт. Мы летим в Нью-Йорк. Пора навестить наших американских друзей и показать им, кто теперь держит в руках ключи от рая.

Я вышел из «Сикстинской капеллы», оставляя за спиной четырех самых могущественных людей в мире, которые теперь были моими верными вассалами.

Быть Борджиа — это не профессия. Это состояние души. И, черт возьми, моя душа чувствовала себя просто превосходно.

Глава 7. Медовый месяц в аду (или Как оптимизировать мужа через вторичный рынок акций) POV: Лукреция

Люди, которые никогда не были на Мальдивах, считают их раем на земле. Люди, которые были там, но останавливались в обычных отелях, считают их дорогим курортом. И только те, кто снимает приватный остров за восемьдесят тысяч долларов в сутки, знают правду: Мальдивы — это красиво декорированная комната ожидания перед климатическим апокалипсисом.

Я лежала на шезлонге из переработанного океанического пластика (который, по иронии судьбы, стоил дороже, чем мебель из красного дерева) и смотрела на воду. Она была такого неестественно-бирюзового цвета, что казалась отрендеренной в графическом редакторе. Воздух пах лемонграссом, дорогим солнцезащитным кремом *Augustinus Bader* и легким оттенком моего собственного раздражения.

— Лулу, ты не могла бы немного сдвинуться влево? Ты перекрываешь солнечную панель.

Я медленно, с грацией кобры, готовой к броску, опустила свои очки *Celine* на кончик носа и посмотрела на своего

мужа.

Джованни Сфорца, основатель *GreenBite*, теперь уже мой законный супруг и человек, чье лицо сейчас было сосредоточенно нахмурено, стоял по колено в кристально чистой воде лагуны. На нем были шорты из органической конопли и майка с надписью «*Save the Bees*». В руках он держал водонепроницаемый планшет и какой-то датчик, который он, судя по всему, только что оторвал от крыши нашей виллы.

— Джованни, милый, — мой голос звучал мягко, как шелк, скользящий по лезвию бритвы. — Я не перекрываю солнечную панель. Я загораю. Это называется синтез витамина D. Это полезно для иммунитета. — Лулу, это не просто панель, это биометический фотоэлемент, который питает систему опреснения воды для нашего душа! — возмутился он, выбираясь на белоснежный песок и стряхивая с ног капли. — И ее алгоритм сейчас сбоит из-за тени. Если мы не оптимизируем угол наклона, наш углеродный след за сегодня увеличится на целых 0,04 килограмма! Ты представляешь, сколько пчел из-за этого умрет?!

Я закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Вдохнула аромат океана. Выдохнула желание нанять снайпера.

Когда папа предложил мне выйти замуж за Сфорцу, он назвал это «стратегическим слиянием активов». *GreenBite* была гениальной платформой. Джованни написал код, который с помощью нейросетей предсказывал спрос на фермерские продукты и выстраивал логистику так, что ни один помидор

не пропадал зря. Это была идеальная машина для генерации денег и, что важнее, идеальная ширма для отмывания... кхм, «оптимизации» финансовых потоков *VaticaCorp*.

Папа думал, что Джованни — гений. И технически он был прав. Джованни был гениальным программистом. Но в жизни он был абсолютным, неисправимым идиотом.

Он искренне верил, что бизнес должен спасать мир. Он отказывался использовать пластик, даже если это удешевляло доставку в три раза. Он платил своим курьерам зарплату выше рыночной, потому что «они — часть нашей экосистемы». Он был золотистым ретривером, который умел писать на Python. А золотистые ретриверы не должны управлять компаниями с оценкой в полмиллиарда долларов. Их место — на коврике у камина, пока настоящие хищники делят мясо.

— Джованни, солнышко, — я села, поправляя лямку своего бикини, которое было сшито из паутины и моих слез (по крайней мере, так утверждал дизайнер). — Иди сюда. Ты весь мокрый. И ты портишь мне свет для сторис.

Он подошел, вытирая лицо полотенцем из бамбукового волокна, и сел рядом. От него пахло солью и наивностью. — Прости, Лулу. Я просто... я переживаю за планету. Ты видела новости? Ледники тают. — Я видела, милый, — я положила ладонь на его горячее плечо. — Но ледники тают уже тысячи лет. А вот мой охват в Instagram упадет, если я не выложу это фото до заката. Улыбнись.

Он послушно натянул улыбку, и я сделала серию снимков. В кадре мы выглядели как идеальная пара: богиня эко-лайфстайла и ее преданный, слегка нелепый муж-визионер. Хэштег *#LoveAndSustainability* залетит в тренды через час.

Но пока Джованни пошел обратно в виллу, чтобы «перепрошить роутер, чтобы он не излучал вредные 5G-волны во время нашего сна», я достала свой защищенный ноутбук, замаскированный под тонкую папку для эскизов.

Мне нужно было подумать.

Брак — это контракт. Но в корпоративном мире любой контракт можно пересмотреть, если у тебя есть контрольный пакет. Проблема была в том, что у Джованни было 51% акций *GreenBite*. Остальные 49% были размазаны между тремя венчурными фондами и его бывшим соседом по комнате в колледже, Марко, который сейчас работал в СТО.

Я не могла просто отобрать у мужа компанию. Это было бы... вульгарно. Это вызвало бы скандал, папа был бы недоволен, а мой образ «святой невинности» дал бы трещину. Нет, Лулу Борджиа не отнимает. Лулу Борджиа *спасает*.

Я открыла терминал и набрала сообщение своему «личному астрологу» (на самом деле это была Ракель, лучший М&А юрист на Кипре, которая просто умела составлять гороскопы для офшорных схем).

«Ракель, привет. Ретроградный Меркурий сильно влияет на мой третий дом финансов. Мне нужно очистить карму. Найди мне всех миноритариев GreenBite, которые устали от

Джованни. Особенно Марко. Предложи им выкупить их доли через трастовый фонд 'Holy Glow' на Белизе. Премия к рынку — 20%. Сделка должна закрыться до того, как мы вернемся в Рим».

Ответ пришел через секунду: «Лулу, Марко давно хочет выйти. Джованни заблокировал выплату дивидендов, сказав, что 'деньги — это социальный конструкт, лучше посадим мангровые деревья'. Марко ненавидит мангровые деревья. Он возьмет деньги. Но венчурные фонды не продадут. Они верят в IPO».

Я усмехнулась, отпивая глоток кокосовой воды, поданной в скорлупе. Венчурные фонды. Они верят в IPO, потому что Джованни пообещал им рост в десять иксов. Но они не знают того, что знаю я. Они не знают, что Джованни тайно разрабатывает функцию, которая будет автоматически блокировать заказы от пользователей, чей углеродный след превышает норму. Он собирается внедрить «эко-бан» для богатых клиентов. Когда он анонсирует это на следующей конференции, акции рухнут на девяносто процентов за одну секунду.

Я не просто готовила рейдерский захват. Я готовила эвакуацию пассажиров с тонущего корабля, попутно скупая их спасательные жилеты за копейки.

Дверь виллы открылась, и на террасу вышел Джованни. Он выглядел гордым и умиротворенным. — Готово! — объявил он, падая на шезлонг рядом. — Я перенастроил нейросеть роутера. Теперь он отключает интернет, если мы сидим

в сети больше двух часов подряд. Цифровой детокс, Лулу! Мы будем больше общаться!

Я посмотрела на него. На его искреннее, счастливое лицо. В пятнадцатом веке моя тетка, Лукреция, возможно, и подсыпала яд своим мужьям, потому что они были жестокими тиранами или инцестуозными маньяками. Мой муж был просто душнилой. Разве это не хуже? Отравить человека, который мешает тебе смотреть TikTok после двух часов дня — это, пожалуй, самая морально оправданная вещь, которую я могу сделать.

— Ты такой умный, Gio, — промурлыкала я, придвигаясь ближе и кладя голову ему на плечо. — Но знаешь, меня волнует Марко. — Марко? — Джованни нахмурился. — А что с ним? — Он написал мне сегодня утром. Он выглядит таким... истощенным. Он сказал, что ты отказался подписывать документы на раунд Б, и теперь у него нет денег на лечение его... э-э-э... редкой аллергии на глютен.

Джованни закатил глаза. — Марко просто драматизирует! Аллергия на глютен — это плацебо-эффект, вызванный стрессом от капиталистической гонки! Я предложил ему медитировать и есть пророщенную пшеницу. Но он хочет, чтобы мы взяли деньги у того токсичного фонда из Кремниевой долины. Они инвестируют в компании, которые производят пластиковые трубочки, Лулу! Я не могу пустить их в наш кап-тейбл (cap table). Это испортит нашу ауру!

— Конечно, милый. Твоя аура важнее, — я погладила его

по руке, чувствуя, как внутри меня холодеет от восторга. — Но, может быть, будет лучше, если ты просто отпустишь Марко? Пусть он продаст свои 15% и уйдет. Тебе не нужны рядом люди, которые не разделяют твою философию. Это токсичная привязанность.

Джованни задумался. Он смотрел на океан, где в этот момент проплывала морская черепаха. — Знаешь... ты права, — медленно сказал он. — Если его вибрации не совпадают с нашими, он тянет компанию вниз. Я дам ему разрешение на продажу его доли. Но кому? Никто из наших инвесторов не захочет покупать миноритарный пакет без права вето.

— О, предоставь это мне, — я легко махнула рукой, словно отгоняя муху. — У меня есть подруга, она ведет блог про осознанное материнство. У нее есть небольшой эко-фонд. Они с радостью выкупят долю Марко, просто чтобы поддержать тебя. Я с ней поговорю. Тебе даже не придется встречаться с нотариусом. Я все оформлю через свою доверенность, помнишь, ты подписал ее перед свадьбой, чтобы я могла управлять твоими счетами, пока ты на ретрите?

Джованни улыбнулся и поцеловал меня в макушку. — Ты мой ангел-хранитель, Лулу. Что бы я без тебя делал? Запутался бы в этих бумагах.

— Ты бы спасал мир, милый, — ответила я, закрывая глаза. — А я просто буду держать твой мир в порядке.

Я мысленно поставила галочку. 15% уйдут моему трасту на Белизе сегодня вечером. Завтра я «случайно» узнаю, что

один из венчурных фондов, владеющий 20%, находится под расследованием SEC за отмывание денег (спасибо Чезаре, который любезно слил им эту улику). В панике они начнут сливать активы, и мой кипрский офшор скупит их долю за бесценок.

К тому моменту, как мы вернемся в Рим, у меня будет 35% акций. Это блокирующий пакет. Джованни не сможет принять ни одного решения без моего согласия. А когда он все-таки анонсирует свою идиотскую функцию «эко-бана» и акции рухнут, я проведу экстренное собрание акционеров, обвиню его в некомпетентности и размытии его доли до нуля через дополнительную эмиссию.

Это было так красиво. Так элегантно. Никакого яда в вине. Никаких кинжалов в темных переулках. Только безупречный корпоративный закон, немного психологического давления и сила сложного процента.

— Лулу, — прервал мои мысли Джованни. — А давай сегодня вечером не будем ужинать в ресторане? Давай попросим шеф-повара приготовить нам сырую водоросль с лимонным соком? Это так аутентично.

Я открыла глаза и посмотрела на него. Водоросль. На Мальдивах. Где подают лобстеров с трюфелем.

— Идеальная идея, любимый, — сказала я, и моя улыбка была такой ослепительной, что могла бы растопить те самые ледники, о которых он так переживал. — Сырая водоросль. Это именно то, чего требует моя душа.

Я потянулась к своему планшету, чтобы отправить Ра-
кель последнее сообщение: *«Ускорь процесс. И добавь в кон-
тракт с Марко пункт о неконкуренции. И еще... закажи мне
лобстера. Тайно. Пусть принесут в спальню, когда он уснет
после своей водоросли».*

Солнце начало садиться, окрашивая небо в ядовито-розо-
вые и фиолетовые тона. Океан потемнел, становясь похожим
на черное стекло. Где-то вдалеке заиграла ненавязчивая ла-
унж-музыка.

Я обняла своего мужа, чувствуя, как его сердце ровно
бьется в груди. Он был счастлив. Он чувствовал себя в без-
опасности. Он думал, что мы строим империю добра.

И мы действительно ее строили. Просто он не знал, что в
моей империи добра для него зарезервировано место почет-
ного экспоната в музее корпоративных ошибок.

Быть Борджиа — это не значит быть злодеем. Это значит
быть единственным человеком в комнате, кто умеет читать
мелкий шрифт в контрактах с дьяволом. И, черт возьми, ка-
кой же у меня был красивый почерк.

Глава 8. Война с хедж-фондами (или Как убить динозавра с помощью Excel-таблицы) POV: Чезаре

Офис «Управления рисками» *VaticaCorp* никогда не спит. Он просто переходит в режим хищного бодрствования.

Я вышел из лифта на сорок втором этаже ровно в 8:47 утра. В воздухе витал запах озона от серверов, свежезаваренного эспрессо и того специфического аромата, который возникает, когда двадцать высокооплачиваемых аналитиков одновременно понимают, что сегодня они будут разрушать чью-то жизнь.

Мой отдел не выглядел как типичный опен-спейс модного стартапа. Здесь не было пуфиков, настольного тенниса или стены с мотивационными постерами. Здесь были ряды столов с мониторами в четыре штуки на каждого, эргономичные кресла *Herman Miller* и тишина, нарушаемая только стуком механических клавиатур *Cherry MX Blue*. Мои аналитики не кричали в телефонные трубки, как трейдеры с Уолл-стрит в фильмах восьмидесятых. Они молча смотрели на графики, пили матчу и нажимали кнопки, которые стоили кому-то миллионов.

Я прошел по коридору, кивая своим «эльфам».

— Доброе утро, синьор Борджиа, — прошептала Донателла, не отрывая взгляда от своего монитора, на котором каскадом падали цифры котировок. На ней была черная худи с надписью «*rm -rf /*» и пирсинг в носу, который, я подозревал, был на самом деле USB-флешкой с украденными паролями. — Статус по Орсини? — спросил я, останавливаясь у ее стола. — Фонд *Orsini Capital* потерял еще двенадцать процентов за ночь, — она щелкнула жвачкой со вкусом арбуза. — Их алгоритм высокочастотного трейдинга сошел с ума. Покупает на максимумах, продает на минимумах. Лоренцо Орсини уже три раза звонил в техподдержку своей торговой платформы, но мы... э-э-э... оптимизировали их тикеты в спам.

Я усмехнулся. В пятнадцатом веке Чезаре Борджиа осаждал замки Орсини с помощью пушек и наемников. Это было громко, кроваво и требовало месяцев подготовки. Сегодняшняя осада была куда элегантнее. Мы не штурмовали их крепость. Мы просто незаметно переписали код в их крепостной стене, и она начала рушиться изнутри.

Я прошел в свой кабинет — стеклянный куб посреди опен-спейса, который по нажатию кнопки становился матовым. Сел в кресло, достал планшет и открыл досье на семейство Орсини.

Лоренцо Орсини. Шестьдесят два года. Глава хедж-фонда *Orsini Capital* с активами под управлением в восемь миллиардов евро. Человек, который начинал в девяностых с тор-

говли облигациями и построил империю на интуиции, связях и старом добром инсайте. Он был динозавром. Он верил, что рынок — это казино, где выигрывает тот, у кого длиннее стол и толще связи с регуляторами.

Он не понимал, что рынок больше не казино. Рынок — это алгоритм. А алгоритмы не уважают старые связи. Они уважают только данные.

Я нажал кнопку интеркома. — Марко, зайди ко мне. И принеси папку «Казино».

Через минуту в дверь постучали, и вошел Марко — мой главный специалист по «альтернативным расследованиям». Ему было двадцать восемь, он носил костюмы, которые выглядели на нем как чужая одежда, и имел лицо человека, который в детстве слишком много играл в шахматы и забыл, как улыбаться.

— Доброе утро, синьор Борджиа, — он положил на мой стол тонкую папку из крафтовой бумаги. — Всё готово. Мы собирали это полгода.

Я открыл папку. Внутри были фотографии, выписки из банков, распечатки переписок и графики, которые выглядели как паутинка из красных нитей на доске детектива в плохом сериале.

— Итак, — я откинулся в кресле, — напости мне, что у нас есть на Лоренцо.

Марко поправил очки и начал докладывать монотонным голосом, который идеально подходил для зачитывания при-

говоров:

— Первое. Сеть подпольных казино. Орсини через подставные компании владеет тремя нелегальными игорными заведениями в Восточной Европе. Одно в Будапеште, два в Белграде. Они используют криптовалюту для обналичивания выигрышей. Мы отследили поток через миксер *Tornado Cash*.

Я кивнул. Это была классика. Старые мафиози всегда думали, что если они используют биткоин, то они хакеры. Они не понимали, что блокчейн — это публичный реестр. Это как вести дневник преступлений и выкладывать его на главной площади.

— Второе. Инсайд. У Лоренцо есть человек в Европейском Центробанке, который сливает ему информацию о процентных ставках за три дня до объявления. Мы перехватили их переписку в Signal. Они используют кодовые слова: «погода в Брюсселе» означает повышение ставки, «дождь во Франкфурте» — понижение.

— Как мило, — усмехнулся я. — Они думают, что если говорят о погоде, то их не поймут. Какие наивные.

— Третье. И самое вкусное, — Марко достал из папки фотографию. На ней был запечатлен молодой человек лет двадцати пяти, с идеальной укладкой и взглядом человека, который знает цену всему и ценность ничего. — Это Алессандро Орсини. Сын Лоренцо. Наследник империи. И, судя по всему, полный дегенерат.

Я взял фотографию и рассмотрел её поближе. — Что он натворил?

— Всё, — просто ответил Марко. — Алессандро управляет крипто-фондом семьи. И последние полгода он активно шортит акции компаний, которые... скажем так, скоро получат плохие новости. Проблема в том, что плохие новости приходят через два дня после того, как он открывает короткую позицию.

Я приподнял бровь. — Инсайд?

— Хуже. Манипуляция рынком через Twitter. Алессандро ведет анонимный аккаунт под ником *@CryptoCesare* (ирония, он даже не знает, что это ваше имя, синьор). Он пишет посты о том, что у какой-нибудь компании проблемы с аудитом или что её CEO замечен в скандале. Акции падают. Он закрывает шорт с прибылью. Потом оказывается, что всё это фейк. Но к тому времени он уже заработал.

Я рассмеялся. Искренне, от души. — Он использует мой ник? Это восхитительно. Это почти комплимент. Но, к сожалению, комплименты в нашем мире стоят дорого.

Я закрыл папку и посмотрел на Марко. — План такой. Мы не будем сливать всё сразу. Это будет слишком грубо. Мы будем дозировать информацию, как сомелье разливает дорогое вино. Сначала — казино. Пусть журналисты из *Financial Times* получают анонимный конверт с фотографиями и выписками. Заголовок: «Семья Орсини: от хедж-фондов к подпольным рулеткам». Это подорвет доверие институциональ-

ных инвесторов.

Марко кивнул, делая пометки в своем планшете.

— Через три дня, когда их акции упадут на пятнадцать процентов, мы сливаем информацию про инсайд в ЕЦБ. Но не всей переписки. Только одного сообщения. Того, где Лоренцо пишет: «Если завтра будет дождь во Франкфурте, покупай путы на DAX». Это прямое доказательство. SEC и европейские регуляторы начнут расследование. Их счета заморозят.

— А Алессандро? — спросил Марко.

— Алессандро — это вишенка на торте, — я встал и подошел к окну, глядя на Рим, расстилающийся внизу. — Мы не будем его сдавать. Мы сделаем лучше. Мы сами купим его крипто-фонд.

Марко нахмурился. — Но, синьор, его фонд токсичен. Там одни скам-коины и шорты через инсайд.

— Именно, — я повернулся к нему. — Мы купим его фонд через подставную компанию. И в день покупки мы анонсируем, что *VaticaCorp* провела внутренний аудит и обнаружила массовые нарушения. Мы сами сдадим Алессандро регуляторам. И знаете, что это даст нам?

Марко задумался на секунду, потом его лицо озарилось пониманием. — Репутацию. Мы будем выглядеть как белые рыцари, которые спасают рынок от мошенников. Акции *VaticaCorp* взлетят.

— Бинго, — я щелкнул пальцами. — Мы не просто уби-

ваем Орсини. Мы убиваем их и на их костях строим свой PR. Это называется синергия.

Ровно через неделю я сидел в своем кабинете и смотрел на монитор, на котором в прямом эфире транслировалась пресс-конференция Лоренцо Орсини.

Он выглядел ужасно. Его обычно безупречный костюм от *Kiton* был помят, галстук съехал набок, а лицо приобрело тот землистый оттенок, который бывает у людей, осознающих, что их империя рушится в прямом эфире.

— ...я категорически отвергаю все обвинения, — хрипел он в микрофоны, его руки дрожали. — Это заказная кампания. Наши конкуренты пытаются уничтожить *Orsini Capital* с помощью фейковых новостей и манипуляций...

Я отпил глоток своего эспresso. Бедный Лоренцо. Он до сих пор думает, что это война. Он не понимает, что война уже закончилась. Он просто еще не получил уведомление о капитуляции.

На моем втором мониторе тикали цифры. Акции *Orsini Capital* упали на сорок семь процентов за неделю. Институциональные инвесторы выводили деньги со скоростью света. Три крупных пенсионных фонда объявили о разрыве контрактов. А сегодня утром итальянская финансовая гвардия пришла с обыском в их главный офис в Милане.

Мой телефон зазвонил. На экране высветилось имя: *Лоренцо Орсини*.

Я посмотрел на экран три секунды, потом нажал «Ответить». — Лоренцо, — мой голос был ровным, вежливым, абсолютно лишенным эмоций. — Как поживаешь?

— Борджиа, — его голос был хриплым, сдавленным. — Это ты. Я знаю, что это ты. Все эти расследования, утечки... Это твоя работа.

— Лоренцо, я оскорблен, — я откинулся в кресле. — Ты обвиняешь меня в том, что я слил информацию о твоих подпольных казино? Но, может быть, проблема не во мне, а в том, что ты действительно владеешь подпольными казино? Может, не надо было владеть подпольными казино, Лоренцо?

Я слышал, как он тяжело дышит в трубку. — Чего ты хочешь, Чезаре? Сколько? Назови цену.

Я усмехнулся. Какой же он предсказуемый. Он до сих пор думает, что всё можно решить деньгами. Он не понимает, что деньги — это просто инструмент. А цель — это власть.

— Я хочу, чтобы ты продал мне *Orsini Capital*, — спокойно сказал я. — За один евро.

В трубке повисла тишина. Такая плотная, что я почти слышал, как у Лоренцо лопаются кровеносные сосуды в мозгу.

— Один... евро? — прошептал он. — Ты с ума сошел? Это компания стоимостью восемь миллиардов!

— Это была компания стоимостью восемь миллиардов, — поправил я. — Сегодня, после закрытия торгов, её рыночная капитализация составляет один миллиард двести милли-

онов. И она продолжает падать. К завтрашнему утру, когда регуляторы заморозят ваши счета, она будет стоять столько, сколько стоит офисная мебель. Так что один евро — это щедрое предложение, Лоренцо. Это акт милосердия.

— Я скорее сожгу её дотла, — прорычал он.

— Уже не можешь, — ответил я. — Твои счета заморожены. Ты не можешь даже заплатить за спички. Но знаешь, что самое забавное, Лоренцо? Твой сын Алессандро уже согласился продать мне его крипто-фонд. За пятнадцать миллионов евро. Наличными. На его личный счет в Швейцарии.

Тишина в трубке стала оглушительной.

— Мой... сын? — голос Лоренцо сломался. — Алессандро продал тебя?

— Не меня, Лоренцо. Он продал *тебя*. Он понял, что корабль тонет, и решил спасти хотя бы свой спасательный жилет. Это называется прагматизм. Ты должен гордиться им. Я вот горжусь своей семьей. Мы всегда поддерживаем друг друга.

Я слышал, как он что-то пробормотал. Возможно, проклятие. Возможно, молитву. Возможно, просто звук ломающегося человека.

— У тебя есть час, Лоренцо, — сказал я, глядя на свои часы *Patek Philippe*. — Через час мой юрист приедет к тебе с документами. Ты подпишешь их. И тогда *VaticaCorp* возьмет на себя все твои долги, все расследования, все проблемы. Ты уйдешь на пенсию. купишь виллу в Тоскане. Будешь вы-

ращивать оливки. Забудешь о хедж-фондах, инсайте и подпольных казино.

— А если я не подпишу?

— Тогда через два часа я передам регуляторам полную переписку с твоим человеком в ЕЦБ. И тогда ты поедешь не в Тоскану, а в тюрьму строгого режима. Где, боюсь, оливки не растут. А твой сын... ну, твой сын уже уехал на Бали. Он сказал, что ему нужно «найти себя». Он взял пятнадцать миллионов и исчез. Ты больше никогда его не увидишь, Лоренцо.

Я слышал, как он заплакал. Тихо, по-стариковски, всхлипывая в трубку. Мне было почти жаль его. Почти.

— Присылай юриста, — прошептал он наконец. — Я подпишу.

— Превосходное решение, — сказал я. — И, Лоренцо? Поздравляю с выходом на пенсию. Говорят, оливковое дерево начинает плодоносить только через семь лет. У тебя будет много времени, чтобы научиться терпению.

Я отключил звонок и откинулся в кресле.

На экране пресс-конференция Лоренцо продолжалась. Он что-то говорил о «временных трудностях» и «уверенности в будущем». Бедный человек. Он еще не знал, что его будущее только что было продано за один евро.

Мой телефон снова зазвонил. Это был папа. — Чезаре, — его голос звучал довольным. — Я только что видел котировки. Орсини на коленях?

— Орсини подписывает документы, папа, — ответил я.
— К вечеру *Orsini Capital* будет наш.

— Превосходно, — папа рассмеялся. — Ты знаешь, что сказал Макиавелли? «Либо ласкай людей, либо уничтожай, ибо за малый вред человек может отомстить, а за большой — не может».

— Папа, Макиавелли писал это в шестнадцатом веке, — усмехнулся я. — Сегодня мы добавили бы: «И документируй всё в CRM-системе».

Папа рассмеялся еще громче. — Ты всегда был циником, сын мой. Это семейная черта. Кстати, Лулу звонила. Она говорит, что её муж Джованни подписал все бумаги, и теперь у неё контрольный пакет *GreenBite*. Она спрашивает, можно ли ей уже увольнять его.

— Скажи ей, чтобы подождала неделю, — ответил я. — Пусть сначала дождется, пока он анонсирует свою идиотскую функцию «эко-бана». Тогда акции рухнут, и она сможет уволить его как некомпетентного CEO. Это будет выглядеть законно.

— Ты такой заботливый брат, Чезаре, — папа вздохнул. — Я горжусь тобой. Кстати, у нас есть проблема посерьезнее Орсини. Этот аудитор из SEC, Савонарола... Он не сдаётся. Он продолжает копать. И он уже подобрался к нашим Каймановым счетам.

Я поморщился. Савонарола. Этот человек был как заноза. Маленькая, но раздражающая.

— Я занимаюсь им, папа, — ответил я. — У меня есть план.

— Какой?

Я посмотрел в окно. Рим лежал передо мной, залитый утренним солнцем. Вечный город, который видел, как приходят и уходят империи, папы, диктаторы и хедж-фонды. И все они думали, что будут здесь вечно.

— Мы не будем его убивать, папа, — сказал я. — Мы делаем хуже. Мы расширим его сознание.

Папа рассмеялся. — Делай что хочешь, сын мой. Главное, чтобы он перестал смотреть в свои таблицы.

Я отключил звонок и посмотрел на свой календарь. Завтра у меня была назначена встреча с доктором Валенти. Мне нужно было обсудить с ним, как правильно применять психоделики для разрушения картины мира у принципиальных аудиторов.

Но перед этим мне нужно было сделать еще одну вещь.

Я открыл защищенное приложение и набрал сообщение Донателле: *«Найди мне лучшего специалиста по НЛП-гипнозу в Европе. И закажи столик в самом модном веганском ресторане Рима. Завтра вечером я ужинаю с человеком, который верит в математику. Пора показать ему, что математика — это просто социальный конструкт».*

Я отправил сообщение и откинулся в кресле.

В пятнадцатом веке Чезаре Борджиа уничтожал врагов мечом и ядом. Это было эффективно, но незелегантно. Сего-

дня я уничтожал врагов алгоритмами, компроматом и корпоративным правом. Это было чище. Тише. И, честно говоря, гораздо более удовлетворительно.

Потому что, когда ты убиваешь человека мечом, он хотя бы понимает, что умер.

А когда ты убиваешь его хедж-фонд, он может еще полгода ходить на работу, не осознавая, что он уже труп.

И это, пожалуй, самое изощренное убийство из всех возможных.

Глава 9. Обезьяны и гнев (или Как объяснить папе, что пиксельная мартышка стоит как небольшой остров) POV: Родриго

В 1508 году мой предок, Папа Александр VI, заплатил Микеланджело Буонарроти три тысячи дукатов за роспись свода Сикстинской капеллы. Микеланджело четыре года лежал на лесах, вдыхая пыль и известку, портил себе зрение и позвоночник, чтобы создать шедевр, который будет вдохновлять человечество на протяжении следующих пяти столетий.

Три тысячи дукатов. За божественное прикосновение к вечности.

Сегодня утром, просматривая квартальный отчет нашего фонда «Инновации и вовлечение молодежи» (именно так мы называли прачечную для крипто-экспериментов моего младшего сына), я обнаружил, что Хуан потратил сорок миллионов долларов.

На что? На покупку участка земли в Майами? На долю в космическом стартапе Илона Маска? На скупку редких алмазов для манипуляции рынком?

Нет. Мой сын, наследник величайшей финансовой импе-

рии современности, потратил сорок миллионов долларов на покупку ста JPEG-картинок с изображением обезьян.

Я сидел в своем кабинете на верхнем этаже башни *VaticaCorp*. Передо мной на столе из цельного слэба карельской березы стояла ваза династии Мин, которую я купил на аукционе в прошлом году просто потому, что она идеально подходила по цвету к моему галстуку. Я смотрел на вазу. Ваза смотрела на меня. В ней не было цветов. В ней была пустота. Примерно такая же пустота сейчас была в моей голове.

Я нажал кнопку интеркома. — Микелотто. Найди моего сына. Где бы он ни был — на Ибице, в Дубае или в метавселенной — вытащи его оттуда и доставь ко мне. Если он будет сопротивляться, скажи, что я отключил его от семейного трастового фонда и перевел все его NFT в статус «сожжено».

— Будет сделано, синьор, — бесстрастно отозвался Микелотто.

Ровно через сорок минут двери моего кабинета распахнулись. В комнату влетел Хуан. В семье и на тусовках он требовал называть его Джей, потому что «Хуан — это для тех, кто продает апельсины на обочине шоссе».

Джей выглядел так, словно только что вышел из клипа Snoop Dogg, снятого в магазине скейтбордов. На нем были мешковатые брюки-карго, лимитированные кроссовки, которые выглядели так, будто их жевала собака, и худи с надписью «WAGMI» (We All Gonna Make It — «Мы все добьемся успеха», мантра крипто-сектантов). На шее болталась тол-

стая золотая цепь с кулоном в виде биткойна, который весил больше, чем совесть моего отдела комплаенса.

— Пап! — воскликнул он, разводя руками и чуть не задев вазу династии Мин. — Микелотто сказал, что это срочно! У нас что, проблемы с SEC? Или Лулу снова разводится? Скажи, что мне нужно делать, я готов!

Я молча повернул к нему свой монитор. На экране была открыта транзакция на блокчейне Ethereum и галерея из ста пиксельных мартишек с разными, в равной степени уродливыми, атрибутами: одна в лазерных очках, другая в матроске, третья с пищей во рту.

— Объясни мне, Хуан, — мой голос был тихим, спокойным и пугающе ровным. — Что это такое?

Джей подошел ближе, прищурился и расплылся в улыбке, обнажая идеальные виниры, которые стоили мне еще полмиллиона. — О! Пап, ты нашел мою коллекцию! Это же *Bored Ape Yacht Club*! Ну, плюс несколько мутантов и пара зомби-апов. Это не просто картинки, пап. Это пропуск. Это культура. Это *комьюнити*!

Я медленно снял свои очки в тонкой титановой оправе и положил их на стол. — Сорок миллионов долларов, Хуан. Сорок. Миллионов. Долларов. За сто картинок обезьян, которые выглядят так, будто их рисовал ребенок с тяжелой формой астмы, используя левую ногу.

— Пап, ты не понимаешь Web3! — Джей вскочил на ноги, начиная расхаживать по кабинету, активно жестикули-

руя. — Это не картинки! Это цифровая идентичность! Когда ты владеешь Апом, ты владеешь интеллектуальной собственностью. Ты можешь напечатать его на худи, открыть бургерную, снять фильм! И это членство в Яхт-клубе! Мы вчера тусили в виртуальном пространстве, там был Джастин Бибер и Стеф Карри!

Я смотрел на него. В пятнадцатом веке, если бы наследник Папы Римского потратил казну Святого Престола на покупку ста портретов шимпанзе, его бы отлучили от церкви, признали невменяемым и заперли в башне Святого Ангела до конца дней. А сегодня мой сын искренне верил, что покупка пиксельной мартышки делает его частью элитного клуба.

— Хуан, — я потер переносицу, чувствуя, как начинается мигрень. — В 1492 году мой тезка потратил состояние на подкуп кардиналов, чтобы стать Папой. Это была инвестиция во власть. В прошлом году я купил контрольный пакет в фармацевтической компании, чтобы контролировать цены на инсулин в Южной Америке. Это инвестиция в стабильность. А это... — я ткнул пальцем в экран, где на меня смотрела обезьяна с золотым зубом и сигарой, — ...это инвестиция в шизофрению.

— Это метавселенная стратегия, пап! — не сдавался Джей, его глаза горели фанатичным огнем крипто-бро, который прочитал три треда в Twitter и теперь считает себя новым Уорреном Баффетом. — Земля в децибелах (Decentraland) дорожает! Скоро все корпоративные встречи

будут проходить в виртуальных офисах. И если ты не придешь туда в скине редкого Апа, тебя просто не пустят на борт! Это статус! Это как носить *Rolex*, только в цифре!

Я встал из-за стола. Подошел к окну. Внизу лежал Рим. Вечный город. Город, где каждый камень помнит кровь императоров и интриги кардиналов. И теперь этот город принадлежит мне, человеку, чей сын только что объяснял мне, почему обезьяна в матроске стоит четыреста тысяч долларов.

— Статус, — тихо повторил я, глядя на свое отражение в пуленепробиваемом стекле. — Знаешь, Хуан, что такое настоящий статус? Настоящий статус — это когда ты можешь купить страну, и никто этого не заметит, потому что ты владеешь банком, который выдал ей кредит. А твой статус... твой статус зависит от того, не решит ли какой-нибудь пятнадцатилетний хакер из России украсть твой приватный ключ, пока ты спишь после вечеринки.

Джей нахмурился, его энтузиазм слегка пошатнулся. — Пап, у меня холодный кошелек *Ledger*, он лежит в сейфе в Швейцарии. Всё безопасно. И потом, посмотри на график! Полгода назад эти Апы стоили по десять эфиров. Сейчас по пятьдесят! Мы в плюсе, пап! Мы сделали иксы!

Я повернулся к нему. В его глазах была такая искренняя, наивная вера в магию блокчейна, что мой гнев начал медленно трансформироваться во что-то другое. В циничное, холодное понимание.

Мой сын был идиотом. Но он был *моим* идиотом. И, что важнее, он случайно нащупал золотую жилу современного мира. Абсурд.

Люди больше не верят в акции, потому что рынок манипулируется алгоритмами. Они не верят в недвижимость, потому что она облагается налогами. Они не верят в золото, потому что его нельзя отправить в Discord-чат. Но они верят в хайп. Они готовы отдавать последние деньги за чувство принадлежности к чему-то «эксклюзивному», даже если это эксклюзивное сообщество людей, смотрят на картинки с обезьянами.

Я медленно вернулся к столу и сел в кресло. — Хуан. Сядь.

Он послушно плюхнулся в кресло для посетителей, его кроссовки скрипнули по паркету.

— Скажи мне, — начал я, сцепив пальцы. — Эти твои... Апы. Они дают право голоса в их сообществе? — Ну да, — кивнул Джей. — У нас есть DAO. Децентрализованная автономная организация. Держатели токенов голосуют за то, куда инвестировать средства казны Яхт-клуба.

— И сколько всего этих Апов существует? — Десять тысяч, пап. — А кто владеет остальными? Джей пожал плечами. — Разные люди. Кripto-киты, рэперы, инвесторы. Есть пара крупных фондов, которые скупали их оптом.

Я улыбнулся. Улыбка была тонкой, как лезвие скальпеля. — Хуан, ты не просто потратил сорок миллионов. Ты совер-

шил ошибку. Но, к счастью для тебя, твой отец умеет превращать ошибки в активы.

Джей насторожился. — В смысле?

— Мы не будем продавать этих обезьян, — сказал я, отрывая новую папку на своем компьютере. — Мы используем их. *VaticaCorp* запускает новый ESG-проект. Мы создадим благотворительный фонд по спасению настоящих, биологических приматов в джунглях Амазонии. И знаешь, как мы будем его финансировать?

Джей моргнул. — Как?

— Мы выпустим лимитированную коллекцию мерча и NFT, привязанных к твоим ста Апам. Мы объявим, что семья Борджиа жертвует свою элитную цифровую коллекцию на спасение лесов. Мы проведем аукцион. Знаешь, кто купит их у нас? Те самые крипто-киты и фонды, которые хотят выглядеть социально ответственными. Мы продадим им эти картинки обратно, но уже с «экологическим сертификатом», втридорога. А разницу...

Я сделал паузу, наслаждаясь моментом. — ...разницу мы направим на скупку долгов тех самых венчурных фондов, которые сейчас шортят наши акции.

Джей сидел с открытым ртом. Его мозг, привыкший к мемам и коротким видео в TikTok, пытался обработать схему, достойную Макиавелли и Уоррена Баффета одновременно.

— Пап... — прошептал он. — Это же... это же скам. Но легальный. И с пиаром! — Это не скам, Хуан, — поправил

я его, беря в руки свою вазу династии Мин и любуясь игрой света на её глазури. — Это финансовая инженерия двадцать первого века. Мы продаем людям их собственную жадность, завернутую в обертку благотворительности. Микелотто уже готовит пресс-релиз. Завтра утром ты дашь интервью *Forbes*. Ты будешь говорить о том, как Web3 меняет филантропию. И надень костюм. Нормальный костюм, Хуан. А не эту балахону клоуна.

Джей медленно кивнул, его лицо озарилось пониманием. Он вдруг осознал, что его безумная трата только что была легитимизирована и превращена в оружие корпоративной войны. — Я... я понял, пап. Я всё сделаю. Я буду говорить про синергию блокчейна и углеродных кредитов! — Умница, — я кивнул. — А теперь иди. И, Хуан? — Да, пап? — Если ты еще раз потратишь корпоративные деньги на картинки с собаками или камнями, я лично переведу тебя в отдел логистики. Ты будешь полгода считать коробки с бананами в порту Неаполя. Без интернета.

Джей побледнел и поспешно кивнул, выскальзывая из кабинета.

Когда дверь за ним закрылась, я остался один. Я посмотрел на монитор, где всё ещё светилась морда пиксельной обезьяны в лазерных очках.

Знаете, в чем главная прелесть современного мира? В том, что тебе больше не нужно оправдываться перед историей. История пишется в реальном времени, и пишут её ал-

горитмы. Если завтра акции *VaticaCorp* вырастут на десять процентов благодаря тому, что мы продали сто виртуальных мартышек под видом спасения Амазонии, то через год в учебниках по экономике будут писать о моем гениальном прозрении. Никто не вспомнит, что я просто хотел оторвать голову собственному сыну.

Я закрыл вкладку с NFT и открыл календарь. Вечером меня ждал гала-ужин в Ватикане. Официальная коронация. Меня должны были утвердить в качестве Председателя «Глобального Синдиката». Семь самых могущественных семей мира официально склонят передо мной голову.

Я встал, поправляя пиджак. Сегодня я стал не просто Папой корпоративного Рима. Сегодня я стал Папой абсурда. И, черт возьми, эта корона сидела на моей голове просто идеально.

Глава 10. Коронация (или Как надеть невидимую тиару под вспышки папарацци) POV: Родриго

Ватикан ночью — это не просто государство. Это машина времени, которая работает только в одну сторону: в прошлое.

Когда мой *Maybach* с пуленепробиваемыми стеклами и шинами, способными выдержать взрыв гранаты, въехал на площадь Святого Петра, я почувствовал то странное ощущение, которое бывает только у людей, чья фамилия выгравирована на стенах этого самого места. Пятьсот лет назад мой предок, Родриго Борджиа, стал здесь Папой Александром VI. Он въезжал в Ватикан на белом коне, в окружении кардиналов, швейцарских гвардейцев и толпы римлян, которые бросали ему под ноги цветы и проклятия одновременно.

Сегодня я въезжал в черной машине, в окружении охраны в штатском и без толпы. Римляне спали. Или смотрели TikTok. Что, в сущности, одно и то же.

Но власть? Власть осталась той же. Только инструменты изменились.

Мы проехали через ворота, и я вышел из машины. Воздух

Ватикана пах ладаном, старым камнем и тем специфическим ароматом абсолютной, ничем не ограниченной власти, который невозможно подделать ни в одном парфюмерном доме мира.

Меня встретил монсеньор Валерио — человек, чья сутана стоила дороже, чем годовая зарплата большинства священников в его епархии, а улыбка была такой же искренней, как обещания политика перед выборами.

— Ваше превосходительство, — он склонил голову ровно на столько градусов, чтобы это можно было назвать уважением, но не подобострастием. — Добро пожаловать. Всё готово к вашему... мероприятию.

Я усмехнулся. «Мероприятие». Как мило. Пятьсот лет назад это называлось конклавом. Сегодня — «закрытый корпоративный гала-ужин». Но суть осталась прежней: горстка самых могущественных людей в мире собирается в священном месте, чтобы решить, кто будет держать в руках ключи от рая. Только сегодня рай — это не загробная жизнь, а доступ к глобальным финансовым потокам.

— Спасибо, монсеньор, — я поправил манжеты своего смокинга от *Tom Ford*, сшитого на заказ из шерсти, которая была настолько тонкой, что казалась сотканной из лунного света. — Надеюсь, Сикстинская капелла... доступна?

Валерио поморщился так, словно я попросил его одолжить мне Папскую тиару для фотосессии в Instagram. — Ваше превосходительство, вы же понимаете, что Сикстинская

капелла — это священное место... — Монсеньор, — я положил руку на его плечо, и моя улыбка стала такой теплой, что могла бы растопить ледники, о которых так переживал муж моей дочери. — *VaticaCorp* только что пожертвовала тридцать миллионов евро на реставрацию фресок Микеланджело. И еще двадцать миллионов на новый орган для собора Святого Петра. Я думаю, Микеланджело не обидится, если его шедевр послужит фоном для... скажем так, исторического события.

Валерио вздохнул. Вздох человека, который понимает, что Бог, возможно, и всемогущ, но Он определенно не может конкурировать с корпоративным бюджетом. — Конечно, ваше превосходительство. Капелла в вашем распоряжении до полуночи.

Я кивнул и направился внутрь.

Апостольский дворец ночью — это лабиринт из мрамора, золота и тишины. Мои каблуки гулко стучали по полам, которые помнили шаги пап, императоров и убийц. Стены были увешаны гобеленами, изображающими библейские сцены, но я знал, что за этими стенами происходили вещи, которые заставили бы Библию покраснеть.

Здесь отравляли соперников. Здесь плели заговоры. Здесь продавали индульгенции и епископские кафедры. Здесь мой предок принимал решения, которые меняли карту Европы.

И сегодня я должен был занять его место. Не как Папа

Римский — эта должность уже была занята, и, честно говоря, слишком много бюрократии. Но как Председатель «Глобального Синдиката» — теневого совета, который контролировал мир куда эффективнее, чем любой понтифик.

Я вошел в Сикстинскую капеллу.

И замер.

Даже я, человек, который видел всё — от частных островов в Карибском море до закрытых коллекций искусства в Женевских хранилищах — замер.

Потолок. Фрески Микеланджело. «Сотворение Адама». «Грехопадение». «Страшный суд». Пятьсот лет назад художник лежал на лесах, вдыхая пыль и известку, чтобы создать это. И сейчас, в свете сотен свечей, которые мои люди расставили по периметру, фрески казались живыми. Бог простирал руку к Адаму. Адам тянулся к Богу. Между их пальцами был зазор — тот самый зазор, в котором помещается вся человеческая история.

Я стоял и смотрел на это. И думал о том, как же иронично устроен мир. Пятьсот лет назад мой предок заказывал эти фрески, чтобы показать миру величие Бога и величие церкви. Сегодня я стою под этими же фресками, чтобы показать миру величие корпорации. Разница только в том, что Микеланджело получал оплату золотом, а мои художники получают оплату в акциях и опционах.

Но суть осталась прежней. Власть нуждается в визуализации. Людям нужно видеть символы, чтобы верить в них.

Капелла была преображена. В центре, под «Страшным судом», стоял длинный стол из черного мрамора, окруженный двенадцатью креслами. На столе — хрустальные бокалы, бутылки вина урожая 1945 года (год окончания войны, год нового начала) и тарелки с закусками, которые стоили дороже, чем месячная аренда квартиры в Риме.

По периметру капеллы стояли мои люди — охрана в черных костюмах, официанты в белых перчатках, техперсонал, который настраивал систему шифрованной связи. Всё было идеально. Как и должно быть в месте, где решается судьба мира.

Первым прибыл Клаус фон Штауффен. Немец вошел в капеллу, оглядел фрески с таким видом, словно оценивал их рыночную стоимость, и кивнул мне. — Родриго, — его голос был сухим, как его юмор. — Впечатляюще. Микеланджело был бы польщен. — Микеланджело был бы в шоке, Клаус, — ответил я, пожимая ему руку. — Но он бы понял. Искусство всегда служило власти. Просто сегодня власть носит смокинг, а не тиару.

Клаус усмехнулся и занял свое место за столом.

Затем прибыла Изабелла Контарини. Она вошла, словно королева, входящая в свой тронный зал. На ней было платье от *Valentino* цвета крови, а на шее — кольцо с рубинами, которые, по слухам, были украдены из сокровищницы Романовых. — Родриго, *caro*, — она поцеловала меня в обе щеки, оставив следы помады, которые стоили дороже, чем мой пер-

вый автомобиль. — Ты выглядишь божественно. Почти как твой предок на фресках. — Почти, Изабелла, — я улыбнулся. — Но мой предок не знал про ботокс и стволовые клетки. Так что я выгляжу лучше.

Она рассмеялась — звуком, который был таким же искусственным, как её молодость.

Затем прибыл Лорд Элистер Вэнс. Британец выглядел так, словно его только что вытащили из могилы и заставили надеть смокинг. Его лицо было серым, глаза — красными. Он не смотрел мне в глаза. Он смотрел куда-то поверх моего плеча, словно боялся, что если встретится со мной взглядом, то его душа окончательно покинет тело. — Элистер, — я протянул ему руку. — Рад видеть. Как поживает леди Виктория?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.